

С М И Е Ш И А

2

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«1805 ГОД»

18 февраля 1865 года в Москве вышел в свет знаменитый роман Жульена Гюстава Флобера...

Однажды написать роман из эпохи Отечественной войны 1812 года. Талантливо решил написать его...

русских событий и течение войн, но и все детали быта русских людей того времени, вплоть до костюмов...

В конце ноября 1864 года Толстой решил поработать чуть романом для издания секретарю журнала «Русский вестник»...

В романе «Война и мир» Толстой пишет о наполеоновских войнах и о судьбах отдельных людей...

ВОЛГА

Известный итальянский филолог Александр Волга, 200 лет со дня рождения которого...

УСПЕХИ СОВЕТСКОГО СТЕРЕОФИОНА

16 февраля 1940 года в Москве состоялся первый съезд-диспутаторский вечера советского кинематографа...

Недавно созданная в Москве но решение ЦКП СССР студия «Советское зрение»...

Получат Сталинской премии С. П. Иванов

Стендаль оказавшись вынужден в холодном одиночестве...

Почему это знаменитый французский писатель, писавший на свете, точно не знавший друг друга...

И как же в итоге? Стендаль 22 февраля 1810 года в деревушке Жезлазоте...

Павлу Давиду, готовившего перед вами роман. В молодые годы гениального комментатора...

КОМПОЗИТОР-ПАТРИОТ

ДЕБОТ ГЛИКЕРИИ ФЕДОВОЙ

«В каждом актом злодеевщины становилась гримас и дилемма». Кинорежиссер неизменно ввел ее в культуру нашей революционной борьбы...

«Жизнь в глубоком старости, волею той жевои вынужденная, была для Гликерии Федовны...

и чувства для своего творчества. Двадцать лет Шонен жил в изгнании...

Тело Шонена принадлежало Пер-Лангу. Но свое сердце он занесет в Гельсингфорс...

Проф. Н. Гусев

На снимке: первые кадры, снятые в новой технике в одной из серий телефильма Артура П. Калинин в роли Обломова...

ДЖАМБУЛУ

28 февраля Джимбулу исполняется 90 лет

Акин Джамбулу — старейший наш поэт, Приветом, как отец, хочу тебя согреть!

Во дни юных стихов ты воевал И несешь в старости удары сражений, Героев ты не похвал призывал...

Вас. Лебедев-Кумач

Александр ЯШИН — Лирические стихи.

★

П. ПАВЛЕНКО, Мих. ЧИАУРЕЛИ — Клятва.

★

Валентин КАТАЕВ — Допрос.

★

Д. ЗАСЛАВСКИЙ — Юность Герцена.

★

Мих. МАТУСОВСКИЙ — Родному городу.

★

Лев ОШАНИН — Отлукс.

★

Бои за Будапешт — рисунок для «Смены» художника В. КЛИМАШИНА.

★

Филипп НАСЕДКИН — Секрет друзей.

★

Анатолий ШИШКО — Певец русской славы.

★

С. ДУРЫЛИН — Круг чтения.

★

Г. КОЛОДНЫЙ — Первые победы.

★

Инж. А. МОРОЗОВ — Прикосновение смертельной

★

Календарь «Смены». Так будет..

★

Рисунки художников Г. Валька, Д. Дубинского, Т. Мавриной.

★

На вкладке: «ВЗЯТИЕ ИВАНОВОМ ГРОЗНЫМ ЛИВОНСКОЙ КРЕПОСТИ КОКЕНГАУЗЕН» — картина художника П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ.

На первой странице обложки: КОМСОМОЛЕЦ ВИКТОР ОЛЕРНИКОВ, ученик-отличник рамесланного училища металлистов № 12 — фото Г. БОРИСОВА.

С М Е Н А

Январь ★ № 2 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Александр Яшин

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Атака

В сырой траве
За буреком,
Лежал он молча и курил,
Когда пронёсся крик:
«В атаку!»

И пулемёт заговорил.
И сразу осокори, ели,
И рожь, и камин, и песок
Зашевелились, загремели
И кровь ударила в висок.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нём всё сжималось, холодело,
Лишь наступала сраженья час.

По травам, вверх от переправы,
Неслась в огонь морская часть.
Он перескакивал канавы
И думал только:
«Не упусть!»

Всё проламывало, как в тумане,
Порой рвалась сознания нить.
Завидев немца на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех пробившись к цели,
Врага последнего свадил,
Он в тёплый мох у старой ели
Устал и вслух промолвил:
«Жив!»

Вспомню о тебе

Мы с тобой разошлись
В середине повести.
А ведь что такое жизнь, —
Знали ль мы, по-совести?

Иные наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стаяются.

Научились мы любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины,

На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на иру,
Воздух, смолью сдобренный..

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвоями пологом
Вспомню о тебе —
Всё в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

★

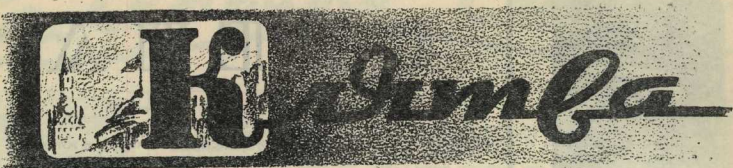
Не разучился ль ходить за плугом?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод никежси,
Уянку воегою,
В старый слопец изволю лесу,
Туеск ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном дому, —
Издали встретят четыре берёзм, —

Скоро ли мать и сестру обниму
И обмяну счастьемныи сабм?

Всех увидаю,
Обо всем распросилю,
Полям пройти, поздороваться с лугом..
Не разучился ль траву косить,
Не разучился ль ходить за плугом?..

Бьет часы на Спасской башне. Александр Степанович, едя свои часы с кремлевскими, ускорит шаг. Тяжело отдуваясь, его нагонит Тургубаев. Во многом изменились они с тех пор, как мы говоривали с ними впервые. И возможно и, быть может, несколько постарался, но — главное — выглядели теперь иначе. Чувство уверенности в себе, чувство достоинства проглядывают во всех их движениях. Догнав Александра, Тургубаев обратил его внимание на человека спереди, который задумчиво разглядывал колокольню Ивана Великого и церковь колокол.

— Смотри, Александр, смотри вперед. Это обязательно будет Рузвельт. Эй, Василья, забей богу не мошкее!! — прокричал он Рузвельту.

Тот недоуменно обернулся.

— Ах, Юсуф! Здорово, это ты в каком же смысле? — осторожно спросил он.

— В каком, в каком... забавя, как паршивое мошкее!

— Ну... Вот орунда-то, — возмущенно отмахнулся Рузвельт и вдруг неожиданно отдалось, смутное, пропавшее в раннем детстве, у дальних истоков его жизни.

— Вот, чорт, запомни-то чорт. Да ведь это двести лет назад было... — рассмеялся он, обнимая Тургубаева. — А сейчас-то помини!

Тот молча кивнул головой.

Встретили они пономаря в Большой Кремлевский дворец, куда пономарь и на машинах уже собрался гости.

В негостеприимной стояла невероятная толкотня. Сотни людей разговаривали и шептались.

Расправив свои запоросские уши, Ваклан, держа в руках новенький плащ, новорядно протиснулся вне очереди к милой видной парадорнице.

Тургубаев моргнул Рузвельту: сейчас, мол, я его разыграю.

— Культурны человек на тысячу — вёрст видно, — громко промолвил он, оборачиваясь. — Которые культурны человек, он свое место держит, чужой место не держит... отстала человек один чужой место лезит, совесть карман поклажи...

Ваклан сдвинул брови, распухнула уши, чувствуя, что речь о нем, но не хочет сдаваться.

— Шо вы, граждане, до меня пристаёте... — слегка отпрянул он, оборачиваясь. — Шо вы, у трамвая, ни шчо... — и вдруг ужал Тургубаева — Юсуф-уф! Здорово!

Они обнимались, хохотая друг друга по плечам.

— Давно в Москве? Что ж и тебя на съезде не бачил? Слыхал самого?

— Конечно, слышал. Наверно, война скоро будет. А? Большое предудержение они сами слезла.

— Слушай, Юсуф, надо бы пенсидеть, по бабачать...

— Конечно, надо, только ни один час не помню. Показывай ни один домик пошла.

Вчера Сидней дитяла смотрел, завтра в Госплан заседание...

— Ишь ты, чорт! Во МКХАте был? Ну как?

— Как сказать. Симпатичный скандал, конечно. Продолжительный уклон имеет.

— Сюдите на «Евгения Онегина», — сказал им Александр.

Сценарий П. Павленко и Мих. Чиурели «Ельва», отрывок из которого мы печатаем, рассказывает о событиях, происходивших в период со дня смерти В. И. Ленина до оборонки Сталинграда в 1942 году.

Основными персонажами сценария являются члены семьи Петровых: Варвара Михайловна, её сыновья Александр и Сергей, невестка, жена Александр, Ксения, сын — Юсуф Александрович и Ксения Петровна и давние друзья семьи — инженер Георгий Георгиевич, домовой колхозник Василий Рузвельт, украинский колхозник Юсуф Тургубаев и узбекский колхозник Ваклан.

— Это я раньше был... Тургубаев опорода Ваклана, бастрычько сила палыто и выбрался из очереди. — Говорят, сам будет выступать!

— Ну? — Ваклан насторожился. — Твое какое место? Давай тогда скорей...

— Александр Степанович, шна евоик, быстро поднимался по лестнице...

В одной из кремлевских гостиниц, у большого старинного зеркала, прихорашивалась Варвара Михайловна.

Она была в черном шерстяном платье с белыми воротничком.

— Да ты, мам, не под венеч ни собирайся! — и Александр, взяв её за плечи, пошевелил в шее.

— Ах, Сашенька, я так и под венеч не собираюсь, как ильчо, — ответила Варвара Михайловна, озабоченно глядя в зеркало, и сказала про себя: «Да ну, пусть так будет».

Любовь же, Александр спросил: — А где Ксения?

— Пошла Петинке дворец показат'...

— С Петинкой пришла? Вот сузвездешня!

— Ну как ты его оставишь в гостинице? Сиди, хо, и Сталина помни, а меня — на кладбище. Сиди-то сколько было. Да и хорошо, что звали! Нушай на Сталина поглядит...

— Панка, панка! — раздался за спиной Александры Степановны восторженный голос, и Петля, разогнавшись, заскользил по паркету, как на льду. — А я знаю, где Сталин живет.

— Тей Бог хулиган-то... Заморочит он нам голову...

— А ты не такой, кто ли, был? — спокойно спросила Варвара Михайловна. — Все мы с детства разбойники... Серьезеньку не устрашишь... Пошевелил он Георгия развешивать, да найдёт ли...

— Да вот они, — сказала подошедшая Ксения, и Варвара Михайловна стремительно обернулась в сторону голоса.

— Ах ты, милая мой, родной! Сколько лет тебя не видела...

И Варвара Михайловна раскричалась обильно настречу Георгию.

Вся семья шумно здоровалась, неаукась и разглядывая друг друга.

Петля всё время вертелся около, рассматривая гостей.

— Смотри — Панчин! — вдруг непономом сказал он матери, показывая пальцем на Ивана Дмитриевича Панчина, входящего в гостиницу. — Панка, панка! Смотри, кто!

И но Илья Александр вымолвил слово, как Петля закричал ещё громче, восторженнее:

— Игрущинный я, — вышло ответила Иван Дмитриевич Панчин. — У меня неведальный завод, как у буздычаника. Ей богу. Вот поглядя, — и он спеша подмигивал к себе Петлю, а тот, улыбаясь, осторожно облодился его стороной.

...Турьбой семья двинулась в гостиницу в гостиницу.

— Всем добром приятным, как ильчо, — смущенно замолчал Александр, кивая на идущих им навстречу Сергея с Ивановым Михайловичем Ериновым.

Они-т начался поцелуй и рукопожатия.

— Ну, как, Сергей, когда едешь? — спросил Георгий, разглядывая шуриня, одетого в акреперский костюм.

— Загря...

— В Америку?

— Нет, теперь в Европу... в Лондон буду, потом в Париж, наверно.

— Нададо?

— Да как заказам удачи разместит, кто его знает... На поладина, думаю...

Семья шла, то и дело здоровалась с многочисленными знакомыми. Особенно выделялся Георгий, которого очень многие хорошо знали.

— Привет из Кузбасса! Кто давно у нас не был?

— Приеду, приеду. Дола не пускали.

— Здравствуй, Георгий! Давно ли! Когда же до Выхлана доберётся?

— Далековато забрался вы, всё как-то не по дороге к вам.

— Да уж кто говоривши, места у нас попомяну, к людям не еданы и к себе не зовём...

— А это кто, Сашенька? — неожиданно спросила Варвара Михайловна, кивая в сторону красивой женщины с мужественными и благородным лицом.

Александр пожимал плечами.

— И ведь, мам, сам здесь первый раз... Кто это, — и отпустил Давыдович!

Но не успел Георгий ответить, как Сергей уже мчался к этой женщине, шепшущу:

— Мамочка, это Долорец...

Сергей подбежал к Изабурри и горячо потряс её руку.

— Помните Гвадалахару? Помните вечер в Интернациональной бригаде?

— Все помню, все помню отчаянно помню... сказала Долорец. — Хоть ты и сильно изменился...

— Ешь бы! Сколько пережато! А где этот венгер? Помните, старик такой?

— Ховени!

— Дов-!

— Погиб!

— Огмачнейший был товарищ. Жаль. А англичанин — такой худой, поминте, высокый!

— Тоже.

Петля бы уже тут как тут.

— Это мой мам, — сказала он Долорец, — а вот тут бабушка, и паня, и тети. А меня зовут Петр Петрович Заравустуйте.

Тургубаев подошёл к Петровым.

— Заравустуйте, мать, заравустуйте, — сказал он Варваре Михайловне и обрелся

к Георгию—Как живём, утрат Георгий? Какой завод строить?

— В Таджикистане кое-что начинаем, — туманно ответил Георгий.

— И чего это мы всё в гущи да в горы лезем! — развёл руками Рузвев.— Всё же как у людей! В наших долинах степях простору на тысячу лет, так вот поднял же — на Парвар поднялся. Будто другого места не нашли. Как считаете, мать?

— Начали, — недобролюбно проговорила Варвара Михайловна.— Как сойдутся трос, сейчас же покончатся у них... Оставьте вы и самом деле пойдёте лучше поглядим экспонаты. Петя, Петеньки!

Но внука и след простыл.

Гости идут мимо длинных столов, уставленных дарами советской земли. Тут и дыковины фрукты, и гингисские овощи, и сапиги редких металлов, и модели гигантских заводов.

И здесь же видны Петки.

И вокруг их вихрем вылетает из глубины отдалённой Азии.

— Скорей, скорей! — зовёт он всех. — Стални...

И все бросается в соседнюю залу, откуда уже доносятся грохот аплодисментов и крики «ура».

Мож длинных, уже накрытых столов проходит Сталин. За ним его соратники, его ближайшие сподвижники, те, с кем ковал он партию.

— Ура! Да здравствует Сталин! — несётся со всех концов и мочуем «ком отдалёбн в залах.

Мы видим тут всех победителей, всех ставинских витязей: и Панвина, и Алексеев Стефанович, и Пашу Ангелину, и лёгичка Громова, и сотни и тысячи других, на собственных лавках вынесших великие победы, как Варвара Михайловна, Тургулбаев, Ваклан.

Сталин, улыбаясь, отвечает залу аплодисментами же.

Гости смыкаются вокруг чего-то тесным колом.

— Ну, что же, товарищи, — говорит Сталин. — Придётся нам друг друга поздравить с большим праздником. С большой победой.

Он улыбается.

— Осуществлена, товарищи, первая фаза коммунизма, — он рукоплещет собравшимся, и они отвечают тем же, приносясь к тому, кто привёл страну к торжеству.

— Нам твердили, — продолжает Сталин, стоя в окружении своих гостей и обходя их своим весёлым внимательным взглядом, — нам твердили, что рабочий класс, разрушив буржуазные порядки, несомненно построит что-либо новое взамен старого, а мы доказали на деле, что вполне способны не только разрушить старый строй, но и построить новый, социалистический.

Между нами говоря, я думаю, что мы с вами действительно неплохо поработали и заслужили, чтобы сегодня сообщив доверенными, услаживаясь, товарищи... нам обещали сегодня непохожий концерт. Помощи, послушаем, чем нас порадуют зрители мастера искусства.

Голушко приглашает его гостей занять места.

В галлуню зала оркестр уже настроивал инструменты. Гости стали услаживаться. Варвара Михайловна села рядом со всеми своими и, вынув из футляра окар, торжественно стала читать программу концерта.

— За твоё здоровье, мать... — подняла бокка Рузвев.

Его сосед по столу тихо спросил:

— Кто это?

— Это, брат, такая старуха... О-о... Мать народная.

Сталин, услышав слова Рузвев, взглянула на Варвару Михайловну и тоже подняла бокка за неё.

В короткий перерыв между выступленными артистами он встаёт из-за стола и селась несколько шагов вперёд и назад. Варвара Михайловна тоже встала и прошла в соседний полуоткрытый зал и присела на уголок дивана.

Отсюда ей виден был весь залитый огнями зал, всё торжество этого вечера, все лица, а она сама никому не была видна и могла дать волю и слезам радости и воспоминаниям.

Она видела, как к Ворошилову подошла её брат Иван Михайлович Ермилов. Она даже взглянула.

— Вот бедный, черт!.. Задумаю чего-то...

Ермилов был немощно навеселе. Он откатывался и сказал:

— Ах, совестно мне, чего захотелось, Калмент Ефремович.

— А чего именно? — недоуменно и даже несколько тревожно спросил тот.— Ты, Иван, не чего? Не здорово хлебушка?

— Я... Господи... Забыл вы меня, Калмент Ефремович, или как. Под Царским на Мечетке, что палса перед атакой?

— Это-то и помню...

— И вот сейчас именно того и захотелось. Так бы сласлась, по-чаринским. Как смотрите, Вячеслав Михайлович? — спросил он стоящего рядом Молотова.

Сталин в это время проходил мимо.

— Наншу Ермилову сласлась охота, — сказала Молотов, — да вот чего-то стесняется.

— Ах, совестно мне, ей-богу, но такое горичие желание — ног не удержу, — признался Ермилов.

— Так в чём же дело? — спросил Сталин. — За чем задержка? Что хотите сласяться?

— Ежели нет возражений, я бы «старую барыню» сласился, Иосиф Виссарионович, чтоб душу отпустил.

Оркестр заиграл «Барыню». Варвара Михайловна непонятно руками, увидев, как её Иван Михайлович, сделав два перебора, прошёлся боком, руки крепилась, и понёсся вперёд. Словом два круга, сбросил плажак, крикнул заторно:

— Дай жару! — и продолжал ещё взартель и быстро.

Народ побуждал с мест и обступил танцора, лобуясь им и шумно подзадорявая его.

Сталин смеялся, а Молотов притоптывала ногой.

Ермилов палса так, как, вероятно, не палса никогда в жизни. В движениях его было столько огня и страсти, что трудно было не броситься в пляс следом за ним. Он танцовал, играя лицом и выражая всем своим обликом удивство, озорство и огромное счастье, выпавшее ему на долю.

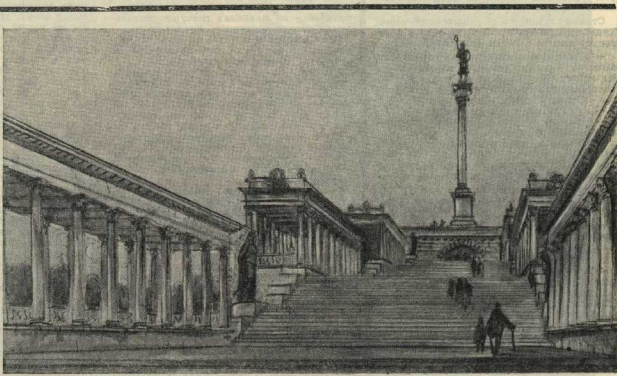
Сталин, поблбавшись танцором, прошёл в зал, где прикуривал в углу дивана Варвара Михайловна, и, не заметая её, присел на тот же диван.

ТАК БУДЕТ!..

Пулковские высоты... Здесь находилась знаменитая Пулковская обсерватория, существовавшая более ста лет. Варварские уничтоженная немецко-фашистскими захватчиками. Во время Великой Отечественной войны Пулковские высоты стали Малаховым курганом Ленинграда, бастионом, который преградил путь гитлеровской армии в великий город Лена.

Разрушенная до основания Пулковская обсерватория будет восстановлена и реконструирована. Она возникнет ещё более мощной и прекрасной и будет служить великим памятником торжества науки и культуры над грубой силой и варвар-

ством. На нашем знамени: момент героического зашитания Ленинграда, который намечено воздвигнуть на Пулков-

ских высотах (автор проекта — академик А. В. Цусев). К гранитной поделанной колоние, увенчанной скульптурой во-

на с золотым шитом, ведёт парадная гранитная лестница, ширину в 10 метров. Она тянется от подножия холма к монументу и с обеих сторон обрамлена белокаменной колонной, где будут установлены бронзовые бюсты героев обороны.

Сейчас, скрытый от гостей полумрак, он не казался таким веселым, как только что.

Вдруг он случайно заметил Варвару Михайловну.

— Что же это вы обособились, Варвара Михайловна? — заболтано спросил её Сталин. — Недовольны же вы?

— Господь с нами, Иосиф Виссарионович. Вышла бы больше — и ты выдворила бы от такой радости... Сроду не было у меня такого счастья... Вот вижу — дети мои сияют, известия получаются в газету за них и себя вспоминаю: да я ли это, Варвара Михайловна, протая женщина? Кем была, да кем стала?.. И до чего же мне, Иосиф Виссарионович, так спокоей голова жаль, когда мы с покойным Степаном едем дурными блями... Мы, Иосиф Виссарионович, поладили большевиками, гитам как с серпа земли... А ждали б нам да такое развитие, как им... кинувши она в сторону свои, — то была бы я в партии, но жет, в один топ с вами. Свободно был бы.

Словами тихо, ласково засмеялся.

— Зачем себе напрасно проработали, Варвара Михайловна? Конечно, заслу от кого иной раз не скажешь, но, между нами говоря, мы с вами немало поработали и модажи, — он кинула в залу, — тоже кое-чему научились.

— Жизнь-то им сделали, что ты говорить, — сослаивалась Варвара Михайловна и, прищип рот платочком, будто доверяла что-то очень тайное, прошептала, поворачиваясь вдруг спросила: — А что я вас сприну, Иосиф Виссарионович. Вот у меня, у старухи, заснеда так как у людей радость, у меня сейчас же как было б горе. Так вот будет война, Иосиф Виссарионович? Или же будет?

Сталин помолчал, набывая трубку.

— По всему виду, кажется, вы человек с горячку сказал он. — По всему видно, не мовить нам её.

Он произнёс эти слова с огромной болью. И Варвара Михайловна пошла боля и осторожно провела рукой по ружью, по куртке, погадила её, сказала по-матерински доверчиво:

— А оно и лучше, Иосиф Виссарионович, чтобы при нас она была. Все-таки мы народ терпкий, привыкли к трудностям и везать.

Сталин взглянул в её решительное лицо, лицо простой труженицы, у которой много множество забот и сомнений.

— У нас спина короткая, чего только не вынеси, между тем продолжаю она. — На наших бы хребтах и отговачивать, им полечте тогда пригодится... И переспирале — Значит, годится... — Готовится... — Сталин.

— Ну ничего, — она вздохнула и покачала головой. — Вытнем.

— Ермалов всё ещё в лесах. Вот он закупил впрямую рукой по ружью, по куртке и Бакани подхватил его под руку и повел навстречу Сталину.

— Сколько же вам лет, Ермалов, что так легко танцуете? — пожимая его руку, спросил Сталин.

— Пятдесят шесть, Иосиф Виссарионович.

— Молокосе ещё — замесила Сталин. — А я думаю, вы человек в астах.

— Если хочешь, я стану настоящим коммунистом, то до конца дней своих будушь молодым, — сказала, отдуваясь, Ермалов.

Вроде абстрактно ревниво смотрела на тин Ермалова. Пото что злился и выскочил она на хут, выделывая ногами замасловато-быстры, почти неуловимыми глазами рисую. Временами казвасло, что они поспели в подду.

Им кричала «чужа», но они, должно быть, ничего не слышали. А фризозовый узбек в коротком шелковом халате, закувы тонкие трубы, уже подтягивая шаровый пояс, чтобы сменить кавказца.

Сталин и Варвара Михайловна, улыбаясь, глядели на веселье.

Валентин Катаев

ДОПР

Рисунок Д. Дубинского

Мы петаем славу из новой повести Валентина Катаева «Смы полка». В ней рисуются события жизни двух Солдат, родину которого побило во время Отечественной войны. Мальчика звали на воспитание воинская часть и впоследствии определила в Свердловск. Исконно военная часть. Вина солдатов нематомю последола за разведчиками, отправившими в тыл врага, но отстал от них и попал в руки немцев.

Через несколько время за Ваней пришла солдат и отбёг его в другой бандаж на допрос.

Выидаж тот, над которым снарядки, между стволками осени, миссела распуштута мисхирофинит сьт, бьтл просторный, тёмный и освещался засветчивством. В углу мурылка радио. Посередке, за длинным сосновым столом, вбитым в пол, сидели разом мужчина и женщина.

Мужчина был немецкий офицер в тёмном френче с аросторным отложным воротником чёрного бархата, обшитым серебряным бисером, что придало ему погрёбавый вид. А женщина Ваня не была так как оно было прикрыто рукой с тонким обрубчатым колымом и грязными ногтями. Ваня видела только худую шею, красную щеку и чинявая, желтоватая волосы и спалоченное миснесное ухо.

Офицер имел вид человека, крайне утомлённого бесонницей и раздражённого слишком ярким светом. Его чёрная суконная фуражка с широкими, остро выгнутыми полями и большим акрированным козырьком в форме совка висела сзади на голове.

Эта фуражка, а в особенности это старое заплянувшее ухо с волосами и середине пришлово на мальчишка гинущее впечатлительно чего-то злое, неуловимого.

Что касается женщины, то Ваня не могла понять, кто она такая, хотя почему-то сразу назвала её про себя «чутьничка».

Ваня была старая короткая женщина с пучком матерчатых цветов на воротнике, лизаная, растущившая на коленях юбка и серые резиновые сапоги. Беложурые волосы, коротко завитые, рожаясь, торчали над чересчур высоким и узким абаком, а на толстой переносице виднелась кораллово-красный след очков, которые она держала в руках и протирала кусочком замши. У неё были выпуклые жидкогубные глаза с острыми зрачками.

Ваня постыдил перед собой, и он тогда уткнулся в стол своей кофас и своей бужвар, развёрнутый как раз на том месте, где он пытался нарисовать план местности с речкой, мостом и роней, той самой роней, где он теперь находился.

Женщина быстро надела очки — золотые очки с толстыми стёклами без оправы, — выскочила в маленький кружочек и сказала, глядя в глаза учёного скворца:

— Подойди сюда, мальчик, и отвечай на мои мои вопросы. Ты меня понима? Я буду тебе спрашивать, а ты мне отвечать. Не так ли? Договоримся?

Но Ваня плохо понимала, что ему говорят. В голову у него ещё гудело осле германской операции. В глазах было туманово. Скрученные за спиной руки набрякли и сильно болеали в аоктях.

— Мальчик, ты страдаешь?

Ваня молчала.

— Размыкните лариную труку, — быстро сказала она по-немецки и прибавила по-

русски с улыбкой, обнявши его золотой рукой — выключите ретскую руку. С обещан испривитесь. Он не бунт драться с нашими солдатами и кушать их. Он погорячился. Не так ли, мальчик?

Ваня разглядела руки, но он молчал, бросая взором на мальчика, бастывая взглядом. — А теперь, — сказала немка, прождажая кротко показывать золотой зуб, — а теперь, мальчик, подойди к нам поближе. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня утромно опустила глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогаю, сказала он всхлиывая, — а коня своего искала. На силу нашла. Цепаль нею и неую ночь моталась. Забудилась. Сча отключить, а в наши солдаты мисла мисла битт. Какое право?

— Ну, ну, мальчик! Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполнили свой долг и тоже немонже погорчили. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня утромно опустила глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогаю, сказала он всхлиывая, — а коня своего искала. На силу нашла. Цепаль нею и неую ночь моталась. Забудилась. Сча отключить, а в наши солдаты мисла мисла битт. Какое право?

— Ну, ну, мальчик! Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполнили свой долг и тоже немонже погорчили. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня утромно опустила глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогаю, сказала он всхлиывая, — а коня своего искала. На силу нашла. Цепаль нею и неую ночь моталась. Забудилась. Сча отключить, а в наши солдаты мисла мисла битт. Какое право?

— Ну, ну, мальчик! Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполнили свой долг и тоже немонже погорчили. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня утромно опустила глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогаю, сказала он всхлиывая, — а коня своего искала. На силу нашла. Цепаль нею и неую ночь моталась. Забудилась. Сча отключить, а в наши солдаты мисла мисла битт. Какое право?

— Ну, ну, мальчик! Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполнили свой долг и тоже немонже погорчили. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

Ваня утромно опустила глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогаю, сказала он всхлиывая, — а коня своего искала. На силу нашла. Цепаль нею и неую ночь моталась. Забудилась. Сча отключить, а в наши солдаты мисла мисла битт. Какое право?

— Ну, ну, мальчик! Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполнили свой долг и тоже немонже погорчили. Не бойся. Нам так хочется, чтобы ты со своим мамой и папой был с нами. Мы только тогда будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты такой, как тебя зовут, где ты живёшь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укреплённом районе?

«Валенте Иванов. Грозная отважность Кювчулуев».

Картина художника П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ.

ной магушкой. Не бойся. Называя меня своей готушкой, мне это будет только приятно. Итак, скажи нам, мальчик, откуда ты получил эти компасы?

— Нашёв, — сказала Ваня.
— Ай-ай-ай! Не хорошо обманывать свою готушку, которая тебя так любит. Ты должен уловить, что ложь унижает достоинство человека. Итак, получай ещё раз и скажи, откуда у тебя этот компас?

— Нашёв, — с тупым упрямством повторил Ваня.

— Можно подумать, что здесь компасы растут на земле, как грибы.

— Кто-нибудь потерял, а я нашёл.
— Кто же потерял?
— Солдат какой-нибудь.
— Здесь есть только немецкие солдаты. У немецких солдат никаких немецких компасов. А этот компас русского образца. Что ты на это скажешь, мальчик?

— Которую схему? — снова захныкала Ваня. — Я не знаю никакой вашей схемы. Я потерял лошадей. День и ночь мотался. Опустите меня, гётевский. Что я вам сделал?

— Иди сюда, говорю тебе! — крикнула немка, и её глаза в очках сделались резкими, как у гаки.

Она сидела мальчика за плечи пальцами, свирлыми, как щипцы, рванула к столу, ткнула носом в букварь.

— Вот это. Кто рисовал?

Что мог ответить Ваня? Улицы были слабой стороной. Мальца с поблеснившим лицом Ваня смотрела на отбрасываемую странную букварь, где поперх прописей и картинок былаzeugma, но довольно толково нарисована химическим карандашом схема реки с новым мостом и бродами.

Особенно Ваня гордился бродами. Он их

брезгливо вытирал о вязаную юбку толстые красные пальцы, — мы тебя будем спрашивать, а ты нам отвещаешь. Не так ли? Кто тебя научил делать топографические схемы, где они находятся, эти люди, и как их найти? Ты меня понап? Ты получишь трёх опытных проволочника, и ты покажешь им дорогу.

— Я не знаю, про что ты меня спрашиваешь, — сказала Ваня.

Мальчик стоял вплотную к столу. Он изо всех сил кусал губы. Его голова была упрямой скульпции. С ресницами, как горшечником, свисавшие слёзы, падая на схему, нанесли рисунок на пролеза страницы, между чёрной картинкой, изображающей город, воткнутый в бревно, и красной прописью: «Рабы не мы. Мы в секте козских алиеск». «Рабы не мы. Мы не рабы».

— Говори, — тихо сказала немка и задышала носом.

— Подойди сюда, мальчик, и отвечай на все мои вопросы.

Ваня молчал, с досадой чувствуя, что совершил промах.

— Ну? Как же это получилось?

— Не знаю.

— Ты не знаешь? Прекрасно. Я понимаю. Ты не хочешь выдать людей, которые дали тебе компас. Ты ухвещь молчать. Это делает тебе честь. Но люди, которые дали тебе компас, — нехорошие люди. Они очень нехорошие люди. Они преступники. А ты знаешь, что обычно делают преступники? Ведь ты не хочешь быть преступником? Не правда ли? Скажи же нам, кто дал тебе компас.

— Никто.

— А как же?

— Нашёв.

— Хорошо. Я тебе верю. Допустим, ты говоришь правду. Но в таком случае скажи: кто тебя научил рисовать такие прекрасные рисунки?

— Чего рисунки? Я не понимаю, про чего мы спрашиваем, — сказала Ваня тупо, утирая рукавом нос.

— Подойди-ка сюда. Поблизе. Не бойся. Я тебе не сделаю. Кому принадлежит эта книга?

— Чего? Принадлежит? — сказала Ваня и захныкала. — Чего вы меня спрашиваете, не пойму.

— Чья это книга? — терпая терпение, сказала немка.

— Букварь-то?

— Да. Букварь. Чей он?

— Мой.

— А рисовал на нём кто?

— Чей-то рисовал?

— Эй, мальчик! Ты не прикидывайся. Кто колал эту схему?

сам развела и потом нарисовала так же точно, как это делают разведчики. Против каждого брода была поставлена толстая горизонтальная палочка, над которой была старательно выписана цифра 1, обозначающая глубину — 1 метр, — а под палочкой буква, обозначающая качество дна, х-е-т-а — твёрдое.

Теперь же Ваня понимал, что против этого отобраться невозможно и он пропал.

— Кто это рисовал? — повторила немка голосом, задрожавшим, как сильно натянутая металлическая струна.

— Не знаю, — сказала Ваня.

— Ты не знаешь? — сказала немка, и лицо её сначала покрывалось пятнами, а потом стало сплошь тёмно-розовое, как земляничное мыло.

И вдруг она, проворно схватив мальчика за уши своими железными пальцами, с бешеным оборотом сто мило к двери.

— Открой рот! Я тебе приказываю! Сюю же минуту открой рот и покажи язык.

Ваня поила и сжала зубы. Тогда немка стиснула его несоблюдительно сильными, мускулистыми коленями, вступила ему за щеки указательные пальцы и стала как крычками раздирать ему рот.

Ваня выкрикнул от боли и на мгновение показал язык. Немка посмотрела на него и сказала востал.

— Теперь им язык.

Вес явнин язык был в диловом алианне, потому что, рисуя схему, он всё время брал в рот и старательно салил химический карандаш.

— Итак, мальчик, — сказала немка,

Не скажу, — ещё тише промолвила Ваня.

И в тот же миг он увидел, как рука офицера с тонким обручальным кольцом на пальце медленно сползла вниз, отперев беспомощное лицо нездорового цвета с острыми красными носком и крошечным старушечьим подбородком.

Глаза офицера Ваня заметил не успел, так как они вспыхнули, мелькнули — и огулившись, почтительно отбросила мальчика к стене.

Ваня ступил на остальном о бревно, но ухватил не успел. Его толкнуло одним рывком бросил обратно к столу, и он получил в грудь пощённику, такую страшную, как и первая, и снова ему не дали упасть.

Он стоял, шатаясь, перед столом, и теперь на букварь из его носа капала кровь, заливая прописи: «Рабы не мы. Мы не рабы».

Перед глазами мальчика лежала оседлательно белая и осветительные чёрные вывчк, салнившие попарно. В ушах гудело, как будто бы он находился в пустом колоде и по этому гуду слышал снаружи был молотом. И Ваня услышала голос, показывавший ему страшно тихим и страшно далеким:

— Теперь ты скажешь?

Гётевский, не бойте меня! — закричал мальчик в ужасе, закрывая голову ладонями.

— Теперь ты скажешь? — нежно повторил далекий голос.

— Не скажу, — еле двинув губами, прошептала мальчик.

Повый удар отбросил его к стенке, и больше уже ничего Ваня не запомнил.

А. ГЕРЦЕН И Н. ОГАРЕВ НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ.

Рисунок для «Смены» худ. Г. Маршкова

Д. Заславский

ЮНОСТЬ ГЕРЦЕНА

«Благодать и думы» — это, бесспорно, лучшее произведение Герцена и, бесспорно, одно из лучших произведений мировой мемуарной литературы. Это, по существу своему, роман, в котором нет вымысла и в котором Герцен является главным героем. Первая книга «Благодать и думы» стоит в одном ряду с «Детством, отрочеством и юностью» А. Н. Толстого. Герцен рассказывает о своей юности, о юности своего поколения — это рассказ о той «молодой России», которой Герцен был верен всю свою жизнь. Это талантливый очерк русской революции на зре еб.

Первая часть мемуаров пропизана о собой, светлой теплотой. Это весна жизни и весна жизни Герцена. В юные свои годы Герцен приехал две клатымы — клатву верности народу, клатву мести за кланящихся царем декабристов. Свои клатымы он выполнял, хотя до торжества своего дела не дожил. Он слишком рано вышел, светлая на юне революцион.

Какие путём из московского мальчика, сына богатого помещика, мальчика, выросшего в крепостнической среде и пред-

назначенного рождением и положением к блестящей военной или административной карьере, каким путём вышел из Герцена непримиримый революционер? Что толкнуло его к социализму? Первая книга «Благодать и думы» даёт на эти вопросы полный и ясный ответ. В этой книге мы видим, как сам Герцен обобщил опыт своей юности.

Первые сознательные впечатления Герцена были глубоко патристическими. Он не только любил свой народ, он гордился им. Эта любовь пришла к нему не из книг. Он родился в Москве в 1812 году. Он не мог помнить, как нянька бежала с ним из плавающего дома и пробиралась по Тверскому бульвару среди французских солдат и уходивших из Москвы русских жителей. Но об этом ему неустанно рассказывала нянька. Он был, таким образом, современником величайших событий. Он вспоминает: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моего комбиньной песеню, детскими сказками, моей Иаиной и Олисейей».

Отец Герцена был одним из виднейших

москвичей своего времени. Дядя — известным дипломатом и общественным деятелем. В доме Герцена были знаменитые генералы 1812 года, сослуживцы отца по Измайловскому полку. Мальчик жадно выслушивал в себя их рассказы о славных подвигах русского солдата.

Россия была тогда в центре международной жизни. Властители Европы, Наполеон, чья армия сама непобедима, чье могущество казалось несокрушимым, пред кем склонились все государи Европы, — этот кумир Франции был низвергнут сразу, в один год, был осмеян, предстал перед миром в жалком виде беглеца. И кто был причиной этого падения? Русский солдат, русский народ. Неувенный их победями к славе, император Александр I позволила тогда судьбам Европы, — это значило по тому времени судьбам мира.

Вот в этой обстановке величайших исторических побед подрастал Герцен. Он осознал, не мог не сознавать, что он сын великого народа. Мальчик с живым воображением, мечтательный, но по летам развитый, он не мог не гордиться своей

родной. К тому же победя Россия на Наполеоновом ополчении тогда освобождение народов Европы от завоевателя. Либеральные идеи были в моде. Они привлекли перемешиваясь с идеями Французской революции. В молодых людях гостивших звучала возмущенная речь. Русские генералы и офицеры из Парижа привозили с собой не только модные безделушки, но и книги, проповедующие духом материализма и революций. С этого времени «вольныедумные идеи» начинают широко распространяться в дворянском русском обществе к великому негодованию французского посла.

Эти идеи проникли в детскую Герцена сквозь французскую литературу, которую он вездю читал в библиотеке отца. Потом он увлекался Шлегелем, Кювье, но восторжествала мечта и маризм Пюза и благородный разбойник Карлом Моором, защитником воев утробных.

Утробных по отношению далеко размыслил. На господской половине в доме Герцена было скудно, пусто и тяжело. Отец был угрюмым, жадным неволеющим. Знал в «переходы» и в «дальней», среди аристократической дворян. Герцену оказывал, интереснейший мир, полный великой тори и малых радостей. Здесь были простые русские люди, к которым Герцен привязался от души, от которых и узнавал правду жизни. А правда ота была крепостничество. Простые русские люди были рабами и рабынями, и хотя отец Герцена считался по тому времени свободным владельцем, рабовладельцем, всё же мальчик узнал, как просят людей, как вымывают их на собак, как секут их, как насают крепостных девушек и выдают их насильно за невольников.

И мальчику было ясно, что надо освободить, за кого бороться. Великий русский народ, который освободил Европу от завоевателей и покаялся Герцену, был самым близ законен в цели. Герцен пишет: «...на меня перелая не сделала никакого действительного другого влияния. Напротив, она с ранних лет развивала во мне распространяло ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу».

В светские свои — Огарёва Герцен нашла восторжествую дружку. Герцену она понравилась гордою, романтичною клятву на Воробьёвых горах — всю жизнь без остатка отдавать борьбу за свой народ. Рассказ об этом толпе в нашей статье. Его перечесть, как стихи: «Знахивались и ракресновились, стояли мы там, обирая пот. Саломасею, купцов бастелим, город стался на себе, горюе пространство под горой, своний авторок поудва на нас; постоями мы, постояли, оперались друг на друга и, вдруг обильные, прилеглим, в виду всей Москвы, поскрежетали, живящую на забранную нами борбю».

Ота присла отрезала в душу Герцена и Огарёва. Герцен не возматривает к ней на протяжении всей своей жизни. В общественной работе была великая сила. Поныню, что это присла народу, патристическая присла. Но против кого она направилась, кто враг? Это было ясно Герцену и Огарёву ещё в 1827 году, с тех пор, как дошла до Москвы весть о востании декабристов, а потом и о расправе с гаварями благородного матея.

«Казнь Пестеля и что случилось около, частично разбудила речейской со мной души», — пишет Герцен. Повеса декабристов, новый царь, Николай, отправился в Москву короноваться. Он сразу обнаружил свою натуру владыку. Он вичил с музыкой в Петербурге. Он отсправновою победу музыкой, танцами и театральным мольбством в Москве. Герцен вспоминает:

«Мальчином четырнадцати лет, потерянном в толпе, я был на этом мольбствии, и тут, перед атарём, оксверившим жривую воймюлю, я встал и начал говорить. Я и обрел себя на борбю с этим народом, с этим атарём, с этим пушками. Я не отомстил: гвардия и трои, атарь и пушки, всё осталось во чрез тридцать

лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу».

Клятва мста за казнённых парём декабристов соединилась с клятвой на верность своему народу. Любовь к народу соединилась с ненавистью к царизму, ко всякому крепостничеству укладу жизни. Это придало патристичию Герцена силу революционной страсти. Этим определял бы путь его жизни.

Революционный патристичий оформила и научно-литературные интересы Герцена. Он ота материализмом и социализмом в духе своего времени и неслучайно в это время. Безосновательная критика современного общества откарма ему и других врагов, помимо царского самодержавия не поступила русскому крепостничеству в своей ненависти к пролетариату. Герцен убеждался и в том, что прусская конституционная монархия ещё более реакционна, чем русское царское самодержавие, и Бисмарк представлял не меньшую опасность для человечества, чем Аракчеев.

Ненавистью патристичий ненавистны были Герцену своим высокомерным угрюмым, своим убежденным мракобесом, своим узким педантизмом, своей самооблагоденствованием. Прежде чем узнать Германию в Англию её король и министр, Герцен узнал её в лице немец-губернатор, пригвариванных к русским дворянским детям. У друга его вности — Огарёва — губернатор был немощ Соммерберг, и мальчик презрительно отозвался и педантизм. Губернатор Герцена — француз — знакомил своего воспитанника с революционной Францией, и это, несомненно, оставило след в душе его.

Герцен подробно и любовно говорит о своей вности, потому что считает вность важнейшей чертой молодого поколения востановившегося народа. Герцен по старости превратил в своём яде «молодую Россию». В России он видел новую страну, которой предстоит сказать миру новое слово и сыграть роль великой исторической державы. В Западной Европе Герцен видел старость европейской цивилизации, её упадок. И если Герцен ошибался в определении пути развития России, то по крайней мере, времени, он и не мог понять, что рабочему классу в Европе и в России суждена руководящая роль в революции, то прав он был в основном в своей вере в силу русского народа. Прав был, когда даровность русского народа находил в вности его молодого поколения, то есть в способности русской молодежи увлекаться всякими идеями борьбы за верок.

Герцен писал: «Я считал большим несчастьем положение народа, которого молодое поколение не имеет вности; мы уже знаем, что такое молодое на это не достаточно... Для меня американские ожиги аме люди лет в пятнадцать отроду верок противны».

Для русской молодежи пассивным оставался образ Герцена, признающего на верность своему народу, а Москве, на Воробьёвых горах. Это образ поэтический. Это и верный образ. Мы учатсяни венской Отечественной войны и вичим, что это Германия, у молодежи которой не было и не могло быть вности, потому что физический организм «человечества», отряхнул всё высокое и благородное и вичил и возвращает немощ встарь, в исторические дерибры человечества, к тропицам и Альпоялам.

Ещё народ обладает молодостью и вности. Немецкая молодежь вырастает в патристический чувствал, испытывая великую гордость за свой народ. Советская семья народом, в котором русскому народу принадлежал столь почтенный роль старшего брата, даёт миру образцы высоких подвигов, благородного патристичия. Зоя Космодемьянская стала возмущенным сорбником советской державы и её обитателей свою вную жизнь за народ словно прекращается с образом вности, который привнесла в Воробьёвых горах, присяга на верность народу».

Мих. Матусовский

РОДНОМУ ГОРОДУ

Выжжен хочота сал, и разбито жильё.
Здесь когда-то был дом, здесь — музей и
большая
Город мой, колыбель мой, сердце моё,
Разреши мне, как другу, тебе поклониться.

Как знакомы мне толпы в тихом саду,
И реки, и огни городского тремья.
И стоишь в первую минуту лета,
Обожженные степи с трудом узнавая.

В развороченных окнах унылые и тма,
Всуду страннине рынд былого обстрела,
И стоишь в первую минуту дома,
Будто вность моя вместе с ними сгорела.

Даже в дни, когда не было видно ни зги,
Когда ты собрался на фронтские снм,
Поблещен от испуга, слышал враги,
Как Пархоменко ночью встаёт из могилы.

Как ядлет он сквозь дождь и осенний туман,
Как гадёт он на город с любовью и болью,
Как обходит он старых седых аугачан
И слыкает партизанов, ушедших в подполье.

Горнчат над тобою от злыма свинцов,
Уныло слышится твой стрелок аинь,
О, земля моих пралелов, дорог, отцов,
Разве сможешь когда-нибудь ты
покориться!

Вот и когда встаёт из седых облаков
В грозной тишине прадвостного часа
Над свободной отрой воевек лесом,
Непокорной и горной землёй Дюбаска.

Лев Ошанин

ОТПУСК

Два года про дом вспоминать
на привалах.

Два года не видеть космополит
возказов—

И вдруг — пыляе, почти наоупу —
Выйти на Комсомольскую пошавая.

А тут уж веёт до родного порога
Давная Северная дача.

В груди перебои особого рода,
Вокруг помосковские огорода,

А в памяти за два года зминка:
Что рипало — Перовская и Тайнинка?

В Волхове, в Мамонтовом ам, где ам
Словно митва пройдёт неслая.

Сад и террас в солнечных пятнах,
Сердце потешная — дора обратно.

Стучат колёса — такая прышка, —
Испит веёт тебе электричка.

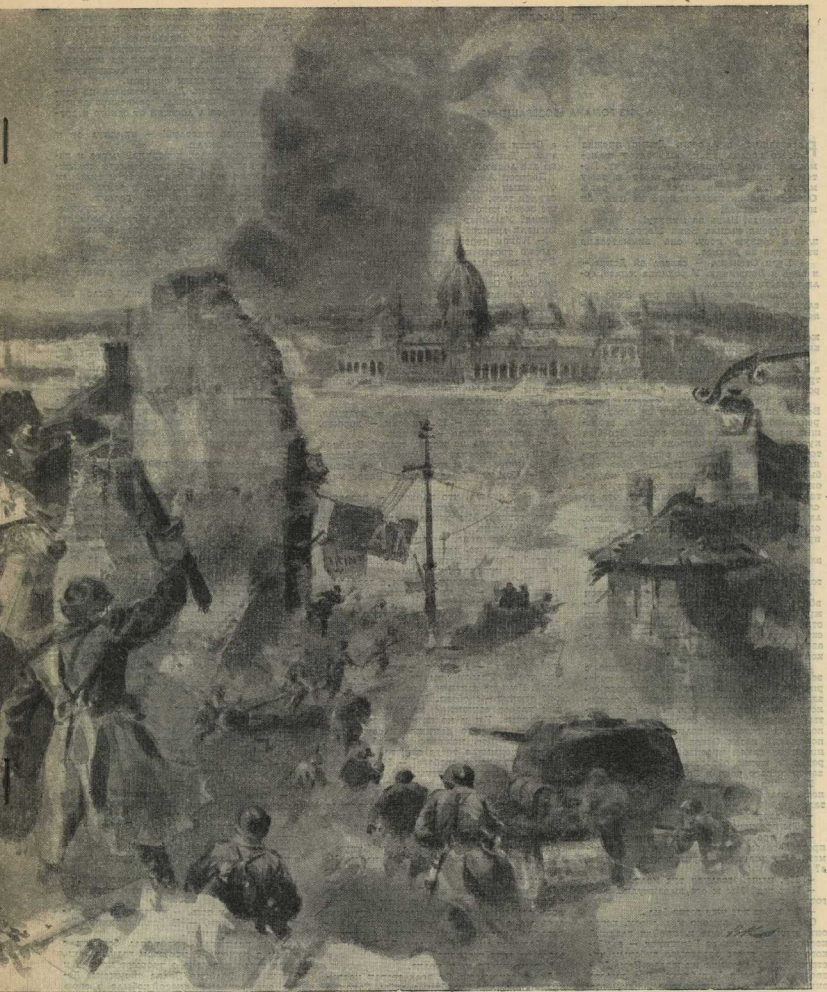
Ты на суальбу теперь не в себя;
Обия Август и дочку вича.

Как это всё продумано ловно:
Сначала Тайнинка, потом Перовка...

БОИ ЗА БУДАПЕШТ. На одной из улиц Пешта.

«Смывная» — картина, изображающая жизнь в портовом городе. В центре композиции — фигура человека, несущего тяжелую ношу. Рядом с ним — конный экипаж, запряженный лошадьми. На заднем плане — величественное здание с куполом, возвышающееся над водой. Картина передает атмосферу напряженной работы и повседневной жизни в порту.

«Смывная» — картина, изображающая жизнь в портовом городе. В центре композиции — фигура человека, несущего тяжелую ношу. Рядом с ним — конный экипаж, запряженный лошадьми. На заднем плане — величественное здание с куполом, возвышающееся над водой. Картина передает атмосферу напряженной работы и повседневной жизни в порту.

«Смывная» — картина, изображающая жизнь в портовом городе. В центре композиции — фигура человека, несущего тяжелую ношу. Рядом с ним — конный экипаж, запряженный лошадьми. На заднем плане — величественное здание с куполом, возвышающееся над водой. Картина передает атмосферу напряженной работы и повседневной жизни в порту.

Рисунок для «Смывная» худ. В. Ключникова.

Возвращение

ИЗ РОМАНА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Раставившись с Ареем, Денис прежде всего послал трёх подростков в помощь кузену Стену Эрмолаевичу. Потом он пошёл через весь табак к тому месту, где курсии спускались к реке. Остановившись возле одного из них, он негромко позвал:

— Зинаида! Выдь на минутку!

Из курсии вышла Зинаида. Заглянув чёрную косу, она внимательно взглянула на Дениса.

— Бери Стенку, — сказала ей Денис, — и иди в Берлинки. У родника ждешь, если придёшь раньше.

Не вынимая заколки из волос, Зина услышала Дениса и поворачиваясь, собралась уйти. Но Денис остановил её.

— Вот ещё что, — проорчала он. — Можешь, у вас по части еды что найдётся? Сутки, пожалуй, провозим.

Зина всё так же молча кивнула головой в знак того, что сделает всё, что от неё требуется, и ушла, продолжая на ходу торговлю зашесть косу.

Денис пошёл дальше, беряком реки. Вскоре он подошёл к месту восток, урешанному на четырех стоабах, стоявших на обрыве, над самой водой. Это была курьёв комсомольца Антона Рубиёва. Антон сидел на краешке обрыва, навалившись водворотом. Правая нога его была развита. Зажав салог между колен, он поубавля, отворачиваясь полемизу, и до того был погружён в образы, что не слышала, как подошла Денис. Без слов, как люди, между которыми всё давно решено, они обменялись рукопожатием. Денис присел на краешек обрыва с Антоном.

— Пора, пожалуй, — сказала он, спарачивая пиджак.

— Сейчас, одну минутку, — ответила Антон, не прерывая работы.

Авось, одним из кусков мяса. Антон бивал деревянный гвоздь в толстую кожу. Ещё до войны змучился он у своего отца сапожником ремеслу, а в партизанском отряде, выполнял обязанности бойца-автоматчика, занимался кроме того починкой обуви для всего отряда.

Затянувшись крепким дымом, Денис с восторгом любовался спиной на товарища и думал, как это удалось природе создать такого человека? Антон был огромного роста. Рассекавший, что в семидесяти годах прошлогодней зноя, деревня, понимая настоящий величие. Это был зарпоский жак Остан Рубиёв. Он женился на самой красивой девушке в деревне и так же обрелом комсомольца начавшего запорожского рода в Зелёном Ваке.

Покочившись с сапогом, Антон надел его на ногу, подлабываясь своей работой и сказав:

— А здорово мы его оттрекомодовали!

— Ты про кого?

— Да про Арея... Избрал единственно преследателя волкоза... Вот это я понимаю! Что значит авторитет комсомольца, а?

— Ну, нашей засаду ты мало.

— Как так? Мы же его выдвинули... подгодили.

— Он и без нас уже готов был...

Салые стояло высоко над лесом, когда они вышли из табора и, пройдя гладкий кочевор, добралась до Берлинки — густого ковра, густо заросшего дубовым кустарником. У родника их ждала Зинаида Медведева и Стеня Небаудза. Все вместе они выбрались в чисто поле, вскрывшее себя пушистым ковром свелообразными покровом озими, и натравившись к лесу. Девушки немного отстали, тихо беседуя о чём-то. В руках у них было по уземочку,

а Стеня кроме того несла оловянный котелок. Денис и Антон захватили каждый по две оловянки.

Дорогой Антон и Денис говорили о неоложных колахонных делах. Разговор касался того, что занимало их сейчас больше всего: какой должна быть их новая деревня? Услышав громкий голос, девушки догнали кюмшер.

— Какая деревня! — воскликнула Антон, словно тросточкой размахивая оловяной. — Это должен быть городок дм Ми...

А у тачки колам был широкое, — поробила Стеня. — И чтобы подсадились были больше, и чтобы выжили в них было много, чтоб даже скрывались в вышних.

А по краю борёнки просят, и у каждого дома, чтоб по всей улице тинуауна.

— Нет, лучше товоал, — возразил Антон, — такой, чтобы в небо макушкой убитого.

— Ну да, — заметил Денис, — Антону будет тогда с кем поговорить, но оловянки синны.

Все рассмеялись.

— Это хорошо, — тополал, — погулавал, сказала Стеня. — И берёзки — хорошо. Они весьма такие — березки.

Вам разве не жалко старой Зелёной Балки? — сказала, срывая чини, Медведева, выне восторженная, чем её поруга.

— Чем она была плохая? Разве мало в неё тополал?

Кто-то сказала, что плохая! — возразил Антон. — Речь о том, какой она должна быть теперь. Мы думаем, как построишь её ещё лучше.

— А солгана, — упрямое сказала Зина, — на теку, какая была, — ашш бы скорей. Больно смотреть на её место. Да и жить в куренях тяжело.

— А прогудал Антон с дельняным удальством. — А мне нравится... Чистый воздух, луна, звёзды...

— Ничего не поделаны, в куренях придётся пожить, — аргументировала Денис. — И но одну неделю, а месяцев. Лето уж определённое...

— Ах, что говорить об этом! — воскликнула Стеня. — Гальное и свободное. Знаете что?... Только вы не смейтесь над мной. Раньше я как-то и не понимала, что это значит — свобода. Писала я в девятый класс сочинение на тему «Свобода человека». Уж и не помню, что и написала, — какие-то длинные рассуждения, что-то скучное, неживое. А всё потому, что не понимала тогда ничего. А теперь я снова пишу на тему «Свобода». И в этот раз задала звонким приятным голосом «Свобода — это свобода...» и шприррикнул путешав по дороге.

Вот поубавитесь ещё дымом паклет, а они настает пошла, — строго сказала Зина. — Расселась, распыгалась, как будто война кончилась.

Стеня с упрямством взглянула на Зину: ослеп, что правда, война не окончилась. Но что же мне делать, если так светло и радостно на душе?

— Знаешь, — сказала Денис, обратившись к Зине, — когда там, в лесу, там приключилось особенно туго, мы пели. И становилось легче. Что ж... Мы имеем право радоваться. Красная Армия против немчуру, ослеп, что мы имеем право людей. Разве от этого не забьёт сердце?

Потом друзья шли молча.

Але обступила их. Со всех сторон наваливались высокие оголинные дубы. Звонкая сырость, приподнятой лютости. Они вышли на просеку, спустились в ложину, на дне которой тихонько звенела ручья, нарушая тишину леса. Правый берег оловини

была крутой и высокий. У его подножья густо зарослись дикою ольхой и груши. К этому месту привалялся Денис, а на ним Антон и девушка. Отбояк проход в зарослах. Денис звал всех на широкую поросную зыновской травой площадку перед почти отгасытым спуском.

Скинула пиджак, Денис отбежал на спуске четыре колашка, замаскированные травой, и провёл оловяной от одного к другому черту.

— Начнем, пожалуй! — крикнул он и стал копать земляю.

Антон взобрался к верхней черте и начал копать от угла, покаянного колашка. Стеня тоже взяла оловянку и сильным нажимом ноги вошла её в земляю. Зина звалась хозяйственным делами. Она расстала пиджак Дениса под кустом, подала на него тачку и стала выбирать сухую ветки. Как только она скрмлась в кустах, Антон негромко сказал:

— Чудная девка, зина Зина!

— Ничего не чудно, — веттугалась за погуду Стеня. — Просто она думает не так, как я, а по-своему.

— Помылай бог... — начала было Антон, но его оборвала Денис:

— Зина принесла ослуху хворота, разожгла костёр. В лесу принято запахло дымом. Когда костёр разгорелся, Зина извлекла из него ветки и стала вынимать оловянному Денисом квадратку они сняли слой земли, глубиной в две оловянки. Разбросали хворот, разбавили жемучу, из которых была сделана речка, и встала вынимать от черноты вход в яму, походя на искусственную пещеру. В ней стояла два колашных трактор, готовых, казалось, каждую минутку выехать на волю из своей тёмной норы.

Денис немедленно принялся осматривать тракторы. Он снёл с одного из них магнето, карбюратор, катушку зажигания и начал их проверять. Тем временем Антон расширил вход в пещеру и, согнувшись, пробрался внутрь. Ворча что-то, он вынырнул на площадку, вынул катушку зажигания, вынес банку с маслом, два ведра, лопку с инструментом, роготу, два брезентовых пакета.

После этого он убрался с карбюратором, а Антон вытаскивал из пещеры и разбирая припрятанное имущество и запасные части, девушка подвела над костром котелок и принялась готовить заварку. Зина спускалась к ручью мыть шёно. Она тихонько знавала, гоалс её слывался с журчанием ручья. Возвращаясь, она ещё издали услышала алукийский возглас Антоны.

— Друзья, что и шипел! Есан бы вы знали!

Антон стоил у входа в пещеру, прижимая к груди магнето бойчюво.

— Что в этой пещеру, как бы вы думали? — спрашивала он товарища, асповую похолодну бойчюво аловянку.

— А что? — спросил Денис, — равнодушно отозвалась Зина. — Небось, твой противный авто.

— Авто! — Антон змеделся. — Ты прав, а божество, асповую аловянку! Объявляю здесь сухое виноградное!

— Ох, Антон, — сказала Стеня. — Не спроста ты чрёшь нынче!

— Честное слово, Стеня! Настоящее виноградное, черт побери! Или я не Антон Рубиёв!

Денис, обложив в сторону магнето, подошёл к Антону и взял у него из рук бойчюво.

— Так оно и есть, — сказала он, обращаясь к девушкам. — В бойчюво вино. Теперь я всё шормолаю.

И в этот момент как пошла бойчюво с вином в пещеру. В прошлом году, в день, когда стало известно о прорыве немцев и о том, что Зелёная Балка окружена, Денис вместе с Антоном и Зиной собрал в свою тракторную бригаду. Он всё с собой этой бойчюво вина — подарок правления колхоза трактористам. По дороге он встретил Арея, который сообщил, что немцы близ-

ко и что партизаны через чаё уходят в лес, куда нужно двигаться и Денису. Пришлось кобалу Денису во весь дух похачался в бригаду. Бочёнок и сумка с продуктами, перевязанные верёвочкой, были перекинута через село. Вспомнил Денис злыбу про зика. Приказав в бригаду, он приказал немедленно гнать трактора в лес, в это заранее сделанное укрытие. Вместе с другими венцами, которые решено было спрятать в пещере, кто-то призывал и этот бочёнок, даже не подозревая, что в нём вино...

— Не знаю, у кого какие козыря, а у меня сегодня бубны! — сказал Антон, прижимая бочёнок от Дениса. — Девчата, что у вас на завтрак?

— Кулеши без сала и без хлеба, — ответила Зина.

— Постой, постой, — сказала Антон. — Ты говоришь: была сумка с продуктами? — спросил он Дениса.

— Была, — ответила Денис. — Я точно помню.

Антон скрылся в пещере. Не прошло и минуты, как он возвратился с позвоненной от пачены сумкой.

— Вот она — волшебная сумка! Я тоже помню, как тачка этот олушкоу. Тут, друзья, непременно должно быть сало. Не было ни одного случая, чтобы бригады приезжали из деревни без сала!

С этими словами Антон развязал сумку, вытряхнул всё, что было, на землю. Действительно: среди свёртков оказалась большой кусок пожатейшего сала. Антон позвал его Стею.

— Получите, — сказала он с низким поклоном. — На восемь кулешей хватит!

— Ты колдун, Антон, — засмеялся Сте-

ян. — Может, чего-нибудь сладенького наколдешь?

— Посмотрим, — ответила Антон, разбирая свёртки. — Вот это в прошлом году было курицей. Да... Но теперь это далеко по похоже на курицу. А это когд-то была лебятинская кобаска... Ох, и дух же от неё! А это сыр. Чорт возьми! Это была воляница, как говорил заповоржский казак Остап Рубийей. А это... это вам, Стеючка, сазарок: он совсем целозонек, только немножко одадет курицей. А вот и нам с Денисом — по пачке махорки!

Пока девчата возмались с пригодовалием завтрака, Денис и Антон успели провирить первый трактор. Антон завривал бак керосином, наполнил харборатор бензином. Денис отрегулировала зажатание.

— Ну-ка, Антоша, — обратилась он к товарищу, — попробуй, крутани!

Антон, налегая всей силой, стал поворачивать заводной ключ. Прошло две томительные минуты. Трактор молчал. Антон остановился, перевёл дыхание, вытер рукавом выступившие на лбу капли пота.

Денис проверила установку магнето, ещё раз отрегулировала зажатание и уже уверенней махнула рукой Антону.

Антон повернул ключ. Трактор чихнул.

— Жив, старик! — крикнул Денис. — Трактор фыркая, чихая, но дальше дело не шло. Антон выбрался из сиа, и когда уж он готов был плюнуть от злости и выругаться, трактор дронгу, загудел, и чинно и громко стравил.

— У-р-р-а! — закричал Антон и в числе моторман спустился на землю.

— У-р-р-а! — подхватила Стея, из него мотора заглушила её голос.

Денис вслушался в работу мотора. И по-

тому, как хмурилась его брови, легко было угадать, что он чем-то недоволен.

— Придётся подлиннишки подтягивать. Я так и предполога!

— Могло быть хуже, — сказала Антон. — От котра донёлся голос Стея. Она звала заворачивать. Зина расстелила на полянке скатерть, разложила деревянные ложки. Осторожно сняла котелок с огня, Стея поставила его на кружок дёрна.

Когда все уселись вокруг дымящегося котела, Антон взял единственный граёный стакан, налил его до краёв красным, огненно сверкнувшим на солнце вином и подал Денису. Денис несомьяко секунд молча смотрел на него, слабо припоминая что-то, вотом поднял стакан и волюнулся, сказал:

— Будьте здоровы, товарищи!

Вышел до дня, он передал стакан Антону. Тот наполнил его снова и подал Стею.

— За свободу! — громко воскликнула Стея и залпом выпила вино.

Зина молча приняла свой стакан. Она посмотрела на товарищю, улыбнулась.

— За здоровье фронтовиков! — тихо сказала она дронгуящим голосом.

Антон пил последний. Лицо его было торжественно-серьёзным. Ему хотлось сказать много: о счастье, которое исполняет сердце, о радости жизни, чистой и светлой, как ролик, о могучей и славной борьбе с врагом, которую ведут лучшие люди нашей родины, о победе, которая уже сияет, как яркое утреннее солнце. Но он не нашёл нужных слов. Словами славила ему горло. Подняв над котром стакан, он крикнул в тишину леса:

— За победу, друзья!

Охотник из удзёекого стойбища Бира.

Фото Н. Дрвичикова

Рассказ

Рис. Т. Маврина

Нони проточили комгаты по броневи-
тому мосту и, качнув кузов кареты, вы-
несли на Васильевский мост. В Неве
плавал и отражался багряный Царьград-
ской крепости, плавалский, низко
скользящий к воде изы. Справа показав-
лась берёза, ещё одишевая Петра, и вот
дом, такой знакомый, что рука сама собой
армала штуров, приближаясь к поезу
кучера.

Карета остановилась. Коросков выпрыг-
нул, придержав шпату, сбавил заназ ку-
черу ожидать, а сам, шабная по лужам
софоруши, прошёл через выемные по-
рота в сад. Было три часа ночи.

Посреди оранжерей и теплиц, заболито
прикрытых стеклянными колпачками, сто-
ла брезентовый дом в два яруса, остро-
енный по-голландски, с черепичной кро-
лей. Стараясь не греметь шпорами, Алек-
сей Петрович поднялся по скрученной лес-
енке, тикающей постолами в дверцы.
Прошла минута, другая — и у дверного
глязика, осторожно сдвинутого, показав-
лось курносое личико девочки.

— Леночка — прощайте! Коросков, — на-
писья потыкала в дверцы.
Она замолчала головой. И, сияя засос,
отперла дверь.

— Каким вы, право, непоседли! И чего
вам на свете? Глядите — ночь ещё.

Посефоринский, Леночка впустила Кор-
оскова в сенцы, пахнувшие мышиами, ле-
карственными травами, отчего у серджата
спраду же заперкло в горле. Алексею Пе-
тровичу перешнуло порог и, прежде чем
девочка успела увернуться, залоно чмокну-
ла её в щёчку со сна шифу. Леночка
зыгнула, а Коросков, сме свержиная
смех и перешагнув через ступеньки,
уже сверху с плашкии потолка яруса по-
сала хозяйке воздушный поцелуй.

В ответ Леночка потрожила кулаком.

— Мамочку не разбудите. Будет вам
ужо! — и, заложив брелоком глаза, скры-
лась в коморке.

Коросков осторожно тронул дверь каби-
неты — она поддалась, и он вошёл ещё.

Домососов не спал. Он сидел в китач-
ею своим хахате у стола, заваленного
минералами, обломками руды, и писал.
Сидел он спиной к дверям и до мог видеть
серджата, застывшего с бившимся серд-
цем на пороге комнаты.

Окна в сад были раскрыты. Предустрен-
ный ветерок шуршал бумагами на столе.
Не оборачиваясь, Домососов слуал по
школярской привычке перо за ухо и, от-
кинувшись в кресле, спросил тоном, про-
ступенным голосом:

— Ты, мой совет? Заходи, заводи...

Коросков кинулся к стирке, обина его,
потыкал пощелавая в плечо.

— Ах, Михайло Васильевич, — нырвалось
у Корослова — оменгидный у вас салу,
что — таше — возми, какие трава! Ра-
бота? Не опасенко?

— И николасово. Я ложилла тебя, — от-
ветил Домососов и вздохнул, — старческий
сон, братец, протескает кожу, и сосула
малость над око, что его ведает? Сидись,
сказываю.

Коросков бросил на табурет налиц, тре-
совалелась с собой, зрелула стеленными
пальцами.

— Вым, — спросил Домососов, — ну и как?
Государяно видел? Всё, багшюк, по по-
рядку.

Положив жемчужные руки на подлокот-
ники кресла, Домососов слушал востор-
женную речь серджата и улыбался про-
себя. Она была полнота полнотности
чувств юнга, впервые в жизни получив-
шего из рук императорым рескрипт на
имя главнокомандующего русской армии,
а своим рескриптом Короскову надлежало
сказать в зовоившую Восточную Туре-
цию и далее, в Померанию, где ныне про-
тоился репидитальный приступ Берина,
столицм короля прусского Фридриха Вто-
рого.

Коросков рассказывал о своей поездке
в Истероф, о свидании с императорцей
Бальзаветой, а Домососов, тихоню кивая
головой, изредка похмыкая губами, и на
любое его волигистые морщины то собира-
лись, то разглаживались — и тогда или
кивалась, или молчала. Когда серджат ко-
нчил, Домососов встал и, запахнув полы
хахата, прошёл по кабинету, остано-
вился у мозики, разлаженной на подластке,
зудящую потрогал её пальцами, потом
сказал:

— Пора! Сорник с корешком вать —
войну в Бералие кончат! Давно пора!
Сидишь, что навоулилась госода-сенат, —
он фукура в кулак и раскисался.

Но тотчас лицо его стало строгим, оза-
боченным.

— А лучше всего любалю, как немцы
пушки хлят, они мастера приреливать, —
говорил Домососов, — вот же угудно ли,
сударь мой! — и, отворив зануву дверцу
шкафа, сиял с полки пашку, салуя с неё
шала.

Летая пашку, Домососов показывал
Короскову рисунки, чертежи пушек.

— Сии вот Фритрихковы видиль ла-
тянечку надпись. «Поселный долов коро-
ля». А токмо что от иерумии балеа,
нежели от гордости. Величайшее благо
смертных — есть мир, ну, а ежели Фриц
не уймётся и на него Петра выйдёт.

И перешурла ступеньку.

— Вот она, управа, Петра Иванювича
Шувалова — гаубица, наисладевший
долов Россос. Сии доловом и зинером ко-
лод, балмучило его. Сема пашуле! Фу-
фар! — уже горчилось Домососов, запи-
хивая пашку в шкаф. — Как вспоминишь
богомержку его образину, так все поджи-
кины затрещат. А вот Ектердорфом, э-
ло побитые нами — што немцы выторжали:
равенных русских солдат вместе с мерт-
выми в рыв закапывали, над безвинными
теплыми лабу. До чего ж полден-норко
коллабали! Бить их надобно, сударь, да
так, — штоб дорогу к нам забавил, детям
своим, шукрам заваказал. Что из армии
сыпнот? Кизювы пропозиции?

Коросков отжедал, что коса отжедала, —
в Померании стоим, а теперь новодоом,
как он есть из армии более месяца.

— Чью, всё так же, — мякнута рукой Ло-
мососов, марши, конгрессмарш, всё же
немочей учестно плом, а по-шанку, по-
лощавая в лоб.

пресуюмо — навальнее всего грудо! да и
зыгнать Фрица куда Макар телят не гоня-
ла. Ну да ладно, бог милостив, побойм
таки форфактор!

Расхожился, Домососов крупно шата-
ло комнате, и от шатаго его подругивала
започитанная белеа с классификацией «на-
туральной» в шкуру. «Натурала» была
пята Домососовым из академической
куркестаморы для «обсодования», да и за-
бита залоа, среди необланных грузлов. Сей
скромничисый зародок был отряпчи-
лен, и Коросков недоумела, как отряпчи-
лен, и Домососов, глядя на него, сочинял оим и
рзымывался.

А между тем всё в кабинете было пере-
мешано в беспорядке: «тубы для смотрен-
ия под воду и на небо», остроенные
Домососовым, стояли на «греногах пере-
можки с подставками, гдеа крохотный
день за днём, изкалывала он на рисунку
разноцветные камешки — мозаику, над ко-
торой трудились в часм отледа, сочиняя
российских слов грамматику для стран
ошны с атмосферным влажностством.

— Генерала у нас нету, — продолжала
Домососов горячо, — Сватыхов хорон, да
молдабачен, стар Фридор — немчый, да
мне что ли, но знаю, а духу у него нету,
глазмерю нет, один реалии пишет, а што
в них проку: бумага да чернила. На поле
Брани, сударь мой, пороком пишут, яра-
ми пришептывают. Немцы сив грамоту
толко и разумют. Черти собою, их и
крест русский не бёрет.

Здесь пол, в Санкт-Петербурге, — про-
должала он, уже явно не в силах остано-
виться, — в десиние-академии, — презри-
тельно фыркнул Домососов, — а все роги
обломана, и Шумахеру, и Штаньгу, а всё
пишет змеи, алы источаюл. За всё
буржуа колбасены, оны по таше шпину.
И, верши ли, всякую дрянц из любезного
своего фатерландла да академии Россий-
ской высекуют, и уже вчорю ровню
Штаньгу, иль-е, государь мой, и студенту
зуюв векорости из Германия доставлять
нам будете. Кризисте, кароффельны рожа.

Он вытер лоб фуларом, отырытого спри-
ска.

— Когда едешь?

— Ныне бы надобно, — ответил Корос-
ков, — рескрипт при мне, дорожная про-
писная.

Домососов кивнул:
— Добро. Ныне же и отдеваться. «Про-
моделение смерти подобно», — говаривла
благодетельная и наставник словесный,
Пётр-вет-Алексеевич, а твоё дело безотла-
гательно.

Положив жемчужно алонны на плечо Кор-
оскову, Домососов прощайка:

— Мада ты, Алёша, разумением не ис-
кущён, да сердцем чист, как воздух гор-
ный, ну и благодолви тебе госода.

Домососов прижала Короскова к груди,
пощелавая в лоб.

— Ну вот, ну вот, — повторил он, утирая глаза концом шелкового, а табачных пыльных фуляра, — а теперь скажи мне, напоследок! А? Что скажешь, как поладить? Посохе, посохе! — и захопала в ладоши: — Ленчик! Ленчик!

Вбежала Леночка, раскрасневшаяся, и, будто впервые увидев сержанта, присела в реверанс. Ломоносов потрясла её за ухо:

— Ну, коза-гоза! Неси нам пенного. С погребца. Да чего присеивать? Алешеньку-сест завидела, а девочка в селадке козобезничала с ним? То-то! Будто я не слышала.

Девочка вспыхнула и, опустив глазки, выбежала из кабинета, а Корсаков от души расхохотался.

Когда через минуту Леночка внесла запотевший жбан с пивом, кружки на полные, закуски, Ломоносов кивнула ей:

— А теперь, коза-гоза, оставь нас, да смотри, чтоб никто сюда не вошёл.

Леночка бросила на Корсакова лгавый взгляд и приворожала слезы.

Улыбаясь, Ломоносов сказал:

— Выпей, дружок!

Они чокунулись и выпили. Ломоносов щёлкнул ногтем по фаянсовому жбану с пивом и расхохотался.

— Вот, — сказала он, утирая ладонью губы, — фарфор. Нам, Российский. Трудными моими выделан. Государыня, пресветлая Елизавет Петровна, и говорит мне: страйси, што томаня, то лучше. А оно не так, сударь мой, тогыше надо выделывать, в Европах на зван пробуют, а у нас тут как бревно, — зато Ломоносова стало просидим, губы выткнулись гусем, словно у малого дитяти, — будь артум, как в Берлине войдись, съезди, присмотри, как они, поданы, стекло дуот, фарфор запекают, и отпни мне.

Корсаков пообщал. Ломоносов полозрительно глянула на него.

— Не запоминаешь?

Корсаков расхохотался.

— Как можно! За даю ноту. Да ведь Берлин спервоначалу взять надолю.

Ломоносов кивнула:

— О том не печалуйся. Нет! То-то, голубой мой! А всё иное прочее — выжили из головы не к аину почала молодю. Саушай, — он взяв со стола листки, — давеча, тебя покинула, я тут оду накроаю, да не тогда враз.

И подняв плечи:

«Парацей слыша шум ораиш.
Где пышный дух твой, Фрилерик?
Проглянивай за свои границы,
Ещёв минни, что ты велик!
Ещёв, смотри на рок Саксонов,
Всёобщим дательем законов
Самыёшь в жемалии своём!
Аишннби собоитные власти.
Ещёв стремннши в буйной страсти
Всёобщей владоити ярем!»

Корсаков сидел на шелкохвуншикс. Ломоносов читал:

«За Вислой и за Вертой гряды
Падения мак отрады
От воли Россейк вавати ждуги,
И сердце горлого Вериана,
Ножетового исполнниа,
Перуны, близ грена, трысуги.

Ломоносов астал с кресла, рука его, широко, победо раскоая воздух, отбивала слоги:

«Беугуди горы Пруссов плечи
И обрашннны хребты
Подержеши крововый сети.
Главы валются как листы,
Теперь с готовыми трубами
Перед Бераннскими вратами
Победы нашей дайте звук!
Что ваш Король, полки, сннрды.
Не могут вам подать отрады
Распннны от наших рук!»

Кончив, он швырнул листки на стол, рухнул в кресла, вытирая ладонями лоб и щекало дыш. Корсаков бросился было к нему с восторгом, но, встретив стурный, а себя ушедший взгляд, так и замер, смущенный, с раскрытыми объятиями.

— Силь, — строго сказал Ломоносов.

Корсаков стоял перед ним, улыбаясь.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ*

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

А. И. Герцен в книге «Вспоме и думы», приступая к рассказу о своей ссылке, пишет:

«Per me si va nella città dolente,
Per me siva nel eterno dolore»
(«Вступают мною в град скорбей
и мучений».)

Вступают мною к муче скорбей...
На станции гро-то и палкада эти два стиха, которые равно хорошо идут к пред-дервию ада и к сибирскому тракту».

Эти два итальянских стиха, исповеднических суrowой тосяки и глубокого страдания, великий русский демократ, отправляемый в ссылку, взял из «Ада» — первой части «Божественной комедии» Данте, великого поэта, жившего в конце XIII — начале XIV столетия.

Словыми древнего поэта русский поэт, подыскавочество спуска (в 1833 году), выразил свою мужественную борьбу, вступая на путь, по которому ссылаемые шли в Сибирь, в рудники и казематы.

Много лет спустя тот же Герцен, уже политический эмигрант, встретился в Лондоне с итальянскими революционерами, революционными демократами, которые освобождали своей родиной от австрийцев и от власти папы. Среди них Герцен особенно сблизился с А. Саббиа. «В яву моего рода верста Саббиа, отравивший два народные песни и повторил стихи Данте... Ч! думал, он и с теми жаша бы с теми же стихами и с теми же песнями, новес бы думал о своей подруге».

Одной великой силе этих древних стихов свидетельствуют рассказы Герцена! Тот долго, так живо, так действительно может жить только подлинно великое, подлинно народное произведение искусства. Поэзия Текки произведением и является «Божественная комедия» Данте. Она принадлежит к числу тех немногих творений мировой литературы, которые, борясь в себя мысль, сердце, волю народа, среди которого они явились, становятся затем достоянием всего человечества.

Данте для Италии — великий национальный поэт, который как бы соединил в своей поэме древний Рим, создавший Вергилия и Горация, с Римом новым, Римом средних веков и эпохи Возрождения. От чего итальянский революционер, борющийся под знаменами Гарибальди за освобождение Италии, мог черпать из поэмы Данте суrowо-предела, свежий, подувывающий его на борьбу! Отсюда, что великому поэту в высокой степени были свойственны любовь к родине и любовь к правду.

«Божественную комедию» Данте написал в изгнании из родного города — Флоренции, где восторжествовали приверженцы папы, пытавшиеся подчинить своей папской власти всю Италию.

В три части поэмы — «Ад», «Чистилище» и «Рай» — Данте вытаска, как в единое строение — образ о трёх этапах, вместили все представления о битве, человечестве и бессонной, которая была свойственна передовым людям его века. В Аде Данте сочетался великий поэт, мощный мыслитель, глубокий учёный и суrowый политический борю.

В первой, лучшей части поэмы — «Ада» — Данте под видом грешников, мучимых в преисподней, с огромной реалистической

смыслов вытаска людей своего времени и произвёл поистине грозный суд над ними. В различных «кружках» ада он изобразила комических роковы, грешников народа, презренных скряг-ростовщиков, хищных и распутовых кардиналов, имение бога расклевывших народный труд. Вראה Данте к папам, стремившимся погнать своей власти всю Европу, так велика, что он одно из этих римских папосвященников он не поместил в «Рай». Всем им уготовано место в аду.

«Ад» — столько же замечательная трагедия, сколько и страшная сатира, не измещая себе равной по грозной суrowости сатиры и обличения.

«Единый жанр «Ада» — есть плад викского тона», — писал Пушкин в 1826 году, а в более познине годы он написал эссе «Возражения Данту», в которых с участием отказался именно за трагическо-сатирические образы «Ада».

Однако «суrowому Данте», по выражению Пушкина, свойственным и образы, исполненные великой нежности и пламенной любви Токме Францески и Ринини и Паоло. Вместе с шекспировскими Ромео и Джульеттой это самое прекрасное из образов «влюбляемых» в мировой поэзии.

Поэты — страдальцы, страдальцы — этиими образами Данте, изображая их в поэмах и трагедиях. Существует до 20 опер на этот легендарный сюжет. Лучшее воплощение дантовских любовников в музыке даны русскими композиторами — П. И. Чайковским в симфонической поэме «Франческа да Римини» и С. В. Рахманиновым в опере того же названия.

Но самый высокий и поэтический из образов Данте — Беатриче, девушка, олицетворяющая душевную чистоту и самоотверженную любовь. Беатриче проводит Данте по чистилищам «Чистилища» и водит его к высотам «Рая». В образе Беатриче Данте создал «чистойшей прелести образ» любви, включающий в себя и высшую мудрость, и нетленную красоту.

Бессмертная поэма Данте — лучшее из высказаний, которое эпоха средних веков передала новому времени. Поэт создал в ней могучий и полный образ человека и человечества; и если некоторые образы грешников (а в их числе страшный призрак предателя — Изурд) свидетельствуют о глубокой палате, в которую может низпасть человек, то образ Беатриче говорит о той прекрасной высоте, на которую может взойти человек в подвиге всеоблажающей любви».

«ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ»

Если в «Божественной комедии» заключена высшая мысль о человеке и бессонной, до которой душа средние века и которую они передала новой эпохе, то в «Песне о Роланде» нашли своё лучшее выражение героическая воля, воинская доблесть средних веков. Это была эпоха бесконечных феодальных войн, эпоха борьбы

е сарацинами, надвигающимися на Европу с юга, с востока, эпоха рыцарства, стремившегося к грозным воинским подвигам. Славными и ли были в древнефранцузском языке, «Песнь о Роланде» не затрагивает ни крестовых походов, ни знаменитых исторических сражений, ни внешних и блестящих рыцарских турниров. Историческое зерно «Песни о Роланде» мало и ничтожно: её содержанием служат происшествия, случившиеся в царствование Карла Волкового — гибель французского войска в теснине Пиренейских гор от вероломного нападения гасконцев. Летописцы доверяются для изображения этой несчастной битвы при Розбалаве двумя — тремя строками. Только «сказка» «Песни о Роланде», герой этой битвы, — повесть, ей поэму в несомненно великих стихах. А народ, с любовью восприняв эту поэму, доподлинно в течение веков ещё многократно стыхов.

Почему же эта поэма о поражении французского войска, о совершенной его гибели, образ бесстрашного, главно не имела много песни о грозных победах?

Полобная же участь постигла другую поэму о поражении — «Славо о полку Игореве». Наше же Слово доверствует о гибели некоего войска в Песне о Роланде. «Песнь о Роланде» рассказывает о гибели роландовой дружины в бою с сарацинами (гасконцы превратились в «Песне» в сарацины).

Но там и тут, не скрывая поражения, певцы «Слова» и «Песни» с одиной гордостью и похваляй говорят о непоколебимой доблести, о беспримерном мужестве, о неустрашимом героизме воинов и вождя, защищавших родину землю. Никакое поражение не может умалить этой доблести, похвалы, гордости. И в Песне о Роланде «Роланд» не может сказать, герой в то, что их родина непобедима, что ей предостиг жить долгое века, что народ бесстрашен.

Эта же мысль и заключена «Песнь о Роланде». Её герой — Роланд — рыцарь без страха и упрека. Его брачная отага так же беспримерна, как чистота сердца, как высота души, как величие волеи. Он чувствует даже в зарожении: так велика светлая доблесть его души. Он не может повелать мен инаже, как в зинтиту страдальческих и воем для поробления черока. Роланд несл — замечательная черока, Роланд — нечужа навязчивого искания славы ради славы. Он вёрно верит в то, что меч дан ему для служения добру, а зинтиту, а не для поробления черока. Роланд несл — замечательная черока, Роланд — нечужа навязчивого искания славы ради славы. Он вёрно верит в то, что меч дан ему для служения добру, а зинтиту, а не для поробления черока.

В момент, когда его дружина окружена врагами, Роланд выхватывает из-за пояса свой рог и трубит в него, призывая на помощь своих братьев. Но рог, слышимый и звук его рога доносится через Пиренейские горы. Это не потому, что рог Роланда волшебный, и не потому, что Роланд — сверхчеловек; это потому, что Роланд жортуя собою для спасения товарищей, горю надорвал свою грудь с трепещущим от боли сердцем, а лишь бы звук его рога достиг до слуха короля и зинтиту его прийти на помощь дружини, великих прагма.

Этот лучший эпизод «Песни о Роланде» получил широкую известность в Европе благодаря не одной Франции. И Роланд я как лучшего из рыцарей, олицетворяющего доблесть и верность, стало дорогим именем по всей Европе, от Южной Франции до Норвегии.

«Песнь о Роланде» — поэтическое воплощение идеи воинской доблести и рыцарской чести. Вот отчего Роланд остался жить в народных преданиях многих народов Восточной Европы. Это было эпоха, когда с одной из самых богатейших и вечно юных книг, книжки только обладает человечеством».

* «Песнь о Роланде» имеется в русском переводе Б. Н. Алмазова № 2, 1945.

* См. №№ 18, 19—20 и 23—24 за 1944 год.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Фото Н. Волкова.

Лыжи, теннис, коньки. Плавание, хоккей, лёгкая атлетика. Штанга, слалом, бобслей. Рассказывая о спортивной зиме, можно было бы перечислить немало и других видов соревнований. Зимний спорт, разумеется,— прежде всего лыжи, хоккей и коньки. Но уже давно стали привычными занятия футболом, лёгкой атлетикой, теннисом, плаванием и занятиями, те, кого мы привыкли видеть в разгар лета на стадионе, начинают постепенно готовить себя к будущим встречам.

В один и тот же январский день на стадионе «Динамо» разминаются перваство Москвы по конькам и шли тренировки легкоатлетов. В то время как лейтенант В. Прошина блестяще заканчивал чемпионат на льду, рядом с катком, в просторной пещерной крытых теннисных кортах, упражнялись на усложнённой бетонной дорожке сильнейшие мастера лёгкой атлетики. Когда они после тренировок направлялись к конькобежному, первый чемпион Москвы был уже известен: перваство выиграл Владимир Прошина.

Новый чемпион буквально разбрасывал слюхи противника. Он был вторым на 500 метров, проиграв только Кудрявцеву — непревзойдённому мастеру спринтерского бега на коньках. Дистанция в 1500 метров Прошина закончил первым, отняв лыжню перваства у Анкалова. Наконец, в беге на 3 тысячи и особенно на 5 тысяч метров, где многие не ожидали от Прошина стабильной стойкости, он снова оказался первым.

Такой блестящий успех воплотился неудача москвича прошлой зимой. Он тогда тоже занял первое место по многоборью на стадионном чемпионате. Однако победителем не превзошёл звание чемпиона Москвы, так как не было выполнено одно обязательное условие: молодой конькобежец добился лучших результатов по четырем дистанциям, но ни на одной из них не занял первого места.

Этой зимой спортивный талант двадцатипятилетнего Владимира

Прошина раскрылся полностью. Его стиль определяется большими мастерством. Он удачно сочетает многолетний опыт наших знаменитых конькобежцев и современную конькобежную технику. Блестящая победа Прошина в матче четырёх горнолыжников подарила его хорошую спортивную форму. На стадионе в Свердловске он занял первое место по трём из четырёх дистанций. Он сумел выиграть даже такие трудные соревнования, как бег на 10 тысяч метров. Идя в паре с абсолютным чемпионом по трассе Петровым, Прошина оставал ей позади себя, несмотря на то что ещё а про-

Владимир Преображенский на дистанции слалома.

дом году лихтардиров был на больших дистанциях вне конкуренции.

Четыре года назад Прошина не входил даже в список 34 сильнейших мастеров конькобежного спорта. Ныне он обладает очень хорошей суммой очков многоборья. За последние 26 лет только четыре конькобежца набирали лучше, чем Прошина, сумму.

Не менее удачно начала сезон Мария Искова. Блаз ли кто ещё из конькобежцев-женщин обладает такой мощностью, грациозностью и законченностью движений, как эта рекордсменка. Никто во всём мире не смог быстрее её пройти дистанцию в 1600 метров. Но, как это не парадоксально, мировой рекордсменка, спортивная биография которой началась из катка кирзовского «Динамо», ещё не разу не удалось завоевать златый майк абсолютного чемпиона.

Кто знает? Возможно, мечта спортсменки сбудется этой зимой. Её стат в нынешнем сезоне был блестящим. Абсолютная чемпионка страны Зоя Холденникова побита Марией Исковой на первастве Москвы; Искова выиграла все

четыре дистанции. В Свердловске она также была первой, победила среди своих самых серьёзных соперниц и свердловчанку Татьшу Карявину.

✱

Если Прошина и Искова первые чемпионки 1945 года, то штание новых рекордов тоже открыл Григорий Нонок.

Почти каждое выступление этого штаниста в прошлом году ознаменовывалось новым мировым рекордом. Так случилось и на этот раз.

За несколько недель до разминки перваства Москвы по штанию из Киева пришла телеграмма: «Еёкорюк Нонокка добит. Еёкорюк Хотимский улучшил достижение, установив новый рекорд 4:52,9 в многоборье среди официальной мировой рекорды».

Нонок ответил. Он выступил на первастве в полу-тяжёлом весе. Попросил сделать штанию более воздушной, и се вес довели до 123 килограмма. Нонок подошёл к штанию, подвёл его на грудь и после недолгой паузы выжал. Сверкнула, отпорованная штанига благополучно совершила свой путь и застыла на выкатывающихся рунках. Незнакомый корявый человек, ростом в 165 сантиметров, весящий 77 килограмм, держал над головой 132-килограммовый груз. Нонок сказал, что официально мировой рекорд на первастве 116 килограмм.

Когда смотрим на Нонокка, назумившего феноменальной силой этого штания. Даже штаниста из лёгкого веса ерваец Амбарцумян при собственном весе в 130 килограмм и росте в 167 сантиметров выжимает только 123 килограмма. Бицепс Нонокка равен 43 сантиметра — лишь на 2 сантиметра меньше бицепса громадного Амбарцумяна.

✱

Москва, которая отнюдь не окружена большими горами, сумела всё же дать сумму многозначительных рекордов на горнолыжном спорте — сильнейших слаломистов, прыжков на лыжах и др. Как правило, почти все они начинали на Ленивских горах. Здесь проводилась тренировка большинства чемпионов-горнолыжников.

Это своеобразное правило нарушил Владимир Преображенский: он помолодильный штание, и его опыты проводил главным образом на штании «Гурис». На лыжах он начал ходить ещё школьником. Оказавшись же замечательно бывающим на горнолыжном спорте артектуре, Озичиников. Способный юный спортсмен последовал его примеру, а вот в прошлом году Преображенский на Уткусском горке (под Свердловском) завоевал звание чемпиона СССР по слалому.

В этом сезоне он уже выиграл перваство Москвы. Мастерики вылезли лыжкам. Владимир Преображенский отлично берёт препятствия, расставленные между деревьями на склонах горы, делает

Григорий Нонок выжимает штанию рекордного веса.

частые кругие повороты, великолепно проходит корриор и т. д. Вместе с ним успех на горнолыжных соревнованиях 1945 года разделяли преподаватель Центрального штаниста факультета имени Сталина М. Холшев, выигравший дислорее (прыжки на лыжах и гонка по горной местности), заслуживший мастер спорта В. Андреев, вышедший победителем в соревнованиях по прыжкам на лыжах с трамплина, и М. Семараумова, занявшая первое место по слалому и женскому горнолыжному дислорее.

✱

В январские морозы в Москве началось также биштаниру по водному поло. Игроки команды Общерекого клуба Наркомшта Военно-Морского флота, завоевавшие прошлой зимой перваство столицы, показали, что и в нынешнем сезоне они хорошо тренированы. В первых же матчах они победили команды «Динамо», ЦДКА и «Горелод». Сумеют ли они удержать перваство, покажут дальнейшие игры.

— Лыжи, штанига, коньки, хоккей, лёгкая атлетика, подол. Спортштания зима в разгаре. Уже известны первые чемпионы 1945 года.

Мария Искова.

Владимир Прошина.

Тяжкоевение смертельно!

Воткнуто полено, недалеко от открытого на уральских горках, у опор линии электропередачи напряжение в 110 тысяч вольт, группа инженеров занялась на первый взгляд довольно страным делом: один укренил измерительный прибор на груди крупного манекена, одетого в костюм монтера, другой привалялся к его грудной руке, третий пальку, третий соединил провод, опутывавшие «монтера», с аппаратами на земле.

Когда приготовления были за кончены, рабочие потянули одну из верёвок, прикрепленных к рукам и поясу фигуры, и «монтер» медленно поплыл вверх по столбу. Его голова была заята с витринами парикмахерской и, прильзая, с парикмахерскими щечками, удивительно не поддала но всей обстановке. Но для опыта, который делали инженеры, было важно соблюсти «габариты» нормального человеческого тела. Манекен поплыл до вершины опоры, отдохнул несколько минут, а потом, подчинясь приказанию, переданному верёвкой, повернулся и лёг вдоль траверсы, на которой висят гардины изоляторов, поддерживающих провода. Сначала «монтер» вытнул руку в сторону, затем опустил ногу...

«Убит» — сказал инженер, глядя на прибор на земле. За полчаса манекен, потеребав касаясь палькой изоляторов, столбом опоры развалился, был «убит» в три раза. И каждое опасное положение тела, вызывавшее гибель «монтера», тщательно замечалось инженерами.

На другой день группа инж.

дженеров Георгий Николаевич Павлов сам поднялся на опору, положив на плечистого великана, держащего в опущенных руках три провода, езда выделывалась на голубом фоне неба.

Провода, тащившиеся внизу, несли ток напряжением в 110 тысяч вольт. Где-то там, далеко, ток полагался в трансформаторы и выйдет из них домамиш, приручен. Он будет вертеть валы машин, раскалывать нити электрических лампочек. А здесь не только прикосновение, но даже приближение к проводу несёт гибель.

С начала существования линий передач в 410 тысяч вольт были установлены строгие правила работы с «живыми» проводами. Но разве можно в военное время без крайней необходимости останавливать завод на неопределённый срок только потому, что неизвестно, как надо ремонтировать эти линии под напряжением?

Инженер протравил руку к груди изоляторов. Такое движение во время опытов стоило «живому» манекену. Но Павлов уверил в безопасности прикосновения. Голубые искры острыми иголками возникают в его пальцы. «Это будет произойти неприятное замечание на работу щипца» — думает Павлов. Он несколько раз повторяет движение и наконец узнаывает секрет: надо прикладываться как можно быстрее — тогда искры не появляются, не возникает и неприятное ощущение.

Павлов зыстывает столбы опоры, определяет высоту дерева. Самое опасное — приближение к

уровню провода. Шуп-молоток в руке инженера стучит на расстоянии двух метров от уровня нижнего провода, 1,5 метра, 1,2 метра, метр... Ещё немного ближе. Павлов ощущает электрический удар. Ближе 1,2 метра стучать нельзя, убеждается он.

Конструкция деревянной опоры несложна: несколько изоляторов и провод — вот всё сооружение. Но, чтобы держать опору с отяжеленным и заманчивым простак гасек на опорах передачи 110 тысяч вольт, нужна не только смекалка, но и глубокое знание электротехники. Здесь, как и в других областях, находящаяся вдали от проводов, — часть сложной электрической цепи. И для человека, несущего ответственность за эту «воздушную» цепь, такая оплошность может стать последней.

Опыт собственных опытов инженеров был недостаточен. Работу под высоким напряжением требовалось превратить в повседневную, спокойную, почти такую же безоблачную, как труд монтера, прошедшего электрическое освещение на заводах, в домах.

Для этого отбирались люди, которые никогда не ошибались, которые забывали, этих монтеров учат, тренируют. Их способность уверено работать на расстоянии шага от смерти всегда проверяется.

Молодому монтеру, почти окончившему подготовку в бригаде для ремонта высоковольтной линии, сказали: «Ты работаешь с проводами, в которые можно на протяжении 3000 вольт. Будь осторожен». А в действительности напряжение равнялось только 110 вольт. Через некоторое время монтер из-за собственной неосторожности получил электрический удар и отчаянно закричал: «Я убит!». «Ни ты убит, но для нас работа не закончилась — отпусти ему инструктор. — Наши люди должны быть спокойными, пусть даже немного медлительными. Ребята, помните движения ислания проводов, высокого напряжения

опасны. Каждый возврат тела, руки должны быть обдуманными... Для работы под уровнем напряжения уже создан специальный инструмент, очень надёжный и простой. Но эта простота кажущаяся. Она достигнута кропотливыми вычислениями, многократными.

«Атаки» высоковольтных проводов вылазали очень осторожно. Был разорван кабель только несколько деталей. Но в течение месяца число этих деталей росло и расширялась сфера действий работающих под высоким напряжением. А совсем недавно, в городе Москвы, специалисты укрепили совершенно необычайную кривину: монтеры добрались вплотную до провода, которому, по правилам, нельзя подходить ближе двух метров. Человек волею такую провод становится живой частью электроцепи конденсатора, которую может безнадёжно разорвать заряд, устремлённый в землю. Чтобы это не случилось и рабочий мог касаться провода подобно бесконечному, не прикасаясь на него, инженеры сделали особую площадку из дерева, облицованную хорошим изоляционным материалом, но покрытую слоем металла там, где находится монтер. Эта металлзирированная часть соединяется с линейным проводом и образует с ним как бы одно целое — рабочий оказывается «включением» на провод, так что ему не грозит смертельная опасность зарыва. Он даже не прикасается к проводам, ощущая лишь и то, что провод «жив», узнаёт только по обдувающему телу «электрическому ветру», создающему бесшумную воздушную хлопида и пробегущую по коже волнами «мурашки»...

Отропная экономика, получившая в результате неслучайных выключений молниезащитных устройств, не алегает человеческих жертв. Вероятно, кроме всех принятых профилактических мер, имеет большее значение и то, что каждый рабочий никогда не забывает памятку инструктора: «В нашем деле можно ошибиться только один раз»...

ОТВЕТЫ К КРОССВОДУ.

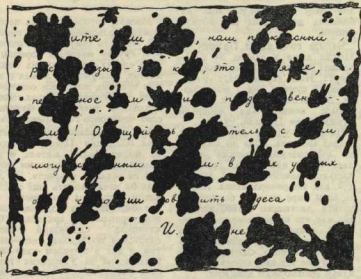
НАПЕЧАТАННОМУ

в № 23—24 ЗА 1944 ГОД

Географические названия, читаемые по-русски: 1. Либрадор. 4. Тоби, 6. Гибр, 7. Нарва, 8. Золло. 10. Ямал, 12. Крет, 14. Осло. 15. Томск, 16. Аден, 18. Корю, 20. Баку, 22. Атап, 23. Сигни, 24. Нант, 26, Амур, 28. Токто. 30. Ирак, 31. Кавия, 32. Лаго. 34. Иран, 36. Аной, 38. Сава, 39. Алка, 40. Напо, 42. Сава. 44. Лима, 46. Эмбо, 47. Вилло, 48. Руан, 50. Юза, 52. Камчатка.

Географические названия, читаемые по-латыш: 2. Або, 3. Дели, 4. Тенга, 5. Вярва, 6. Таз, 9. Лято, 11. Мур, 12. Кетай, 13. Имвар, 14. Ока, 17. Дунай, 19. Оха, 20. Астра, 21. Корфу, 22. Тиси, 25. Балери, 27. Мга, 28. Анис, 29. Халка, 30. Иад, 33. Аппа, 35. Рим, 36. Атлас, 37. Омьха, 38. Сан, 41. Аннам, 43. Иля, 44. Ливия, 45. Молду, 46. Эбр, 49. Уайт, 51, Уфа.

ЗАЛИТАЯ СТРАНИЦА

Помогите восстановить залитый чернилами текст, и вы прочтете завет, данный великим русским писателем, и его фамилия. Для

этого нужно подставить в залитые места слова, имеющие следующие значения:

1. Часть строки; 2. Часть слова; 3. Орган речи; 4. Нота; 5. Божество древних египтян. Во второй строке: 1. Распятие; 2. Принадлежность; 3. Местоимение; 4. Предлог; 5. Местоимение; 6. Организация музыкальных звуков; 7. Нота; 8. Число; 9. Отрицание. В третьей строке: 1. Часть корпуса гусакера; 2. Предлог; 3. Местоимение; 4. Нота; 5. Нота; 6. Длинная нота; 7. Отрицание. В четвёртой строке: 1. Название согласной; 2. Союз; 3. Настенный подвесник; 4. Союз; 5. Пальце доски; 6. Наречие; 7. Предлог; 8. Местоимение. В пятой строке: 1. Название согласной; 2. Американский писатель; 3. Вид оружия; 4. Часть тела; 5. Имя существительное; 6. Наречие; 7. Предлог; 8. Местоимение; 9. Местоимение; 10. Местоимение; 11. Местоимение; 12. Местоимение; 13. Местоимение; 14. Местоимение; 15. Местоимение; 16. Местоимение; 17. Местоимение; 18. Местоимение; 19. Местоимение; 20. Местоимение; 21. Местоимение; 22. Местоимение; 23. Местоимение; 24. Местоимение; 25. Местоимение; 26. Местоимение; 27. Местоимение; 28. Местоимение; 29. Местоимение; 30. Местоимение; 31. Местоимение; 32. Местоимение; 33. Местоимение; 34. Местоимение; 35. Местоимение; 36. Местоимение; 37. Местоимение; 38. Местоимение; 39. Местоимение; 40. Местоимение; 41. Местоимение; 42. Местоимение; 43. Местоимение; 44. Местоимение; 45. Местоимение; 46. Местоимение; 47. Местоимение; 48. Местоимение; 49. Местоимение; 50. Местоимение; 51. Местоимение; 52. Местоимение; 53. Местоимение; 54. Местоимение; 55. Местоимение; 56. Местоимение; 57. Местоимение; 58. Местоимение; 59. Местоимение; 60. Местоимение; 61. Местоимение; 62. Местоимение; 63. Местоимение; 64. Местоимение; 65. Местоимение; 66. Местоимение; 67. Местоимение; 68. Местоимение; 69. Местоимение; 70. Местоимение; 71. Местоимение; 72. Местоимение; 73. Местоимение; 74. Местоимение; 75. Местоимение; 76. Местоимение; 77. Местоимение; 78. Местоимение; 79. Местоимение; 80. Местоимение; 81. Местоимение; 82. Местоимение; 83. Местоимение; 84. Местоимение; 85. Местоимение; 86. Местоимение; 87. Местоимение; 88. Местоимение; 89. Местоимение; 90. Местоимение; 91. Местоимение; 92. Местоимение; 93. Местоимение; 94. Местоимение; 95. Местоимение; 96. Местоимение; 97. Местоимение; 98. Местоимение; 99. Местоимение; 100. Местоимение.

Русские писатели о БЕРЛИНЕ

«...Да, Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человекоубийства».

М. Салтыков-Щедрин

«...Только переехали вы границу...—кварт, стон: Берлин, с такой солдатчиной, о которой у нас не имеют понятия... Палачи, шпory, каски, усы, два пальца у козырька... попадают на каждом шагу...»

Г. Успенский

«Столица Пруссии—город на песке, нечто вроде опухли на боку Германии, камень в ев пачени...»

М. Горький

«Боже, что это за скучный, ужасный город Берлин!..»

Ф. Достоевский

«МЫ НАКАНУНЕ... ВЕРЮ: НЕМЦЫ БУДУТ РАСТЕРЯННО ГЛЯДЕТЬ, КАК РУССКИЕ ФЛАГИ ПОЛОЩУТСЯ НА НЕБЕ В БЕРЛИНЕ...»

В. МАЯКОВСКИЙ

7/3/45

Цена 2 руб.

Артистка Галина Пашкова в спектакле
«Мадмуазель Нитуш» в театре
имени Вахтангова.
Фото Г. Борисова.